

# ЗАРУБЕЖЬЕ

Познаете Истину  
и Истина сделает  
вас свободными.  
Еванг. от Иоанна.

ОБЩЕСТВЕННО - ПОЛИТИЧЕСКИЕ ТЕТРАДИ

№ 1 (11)

АПРЕЛЬ 1967

МЮНХЕН

Н. С. ТИМАШЕВ

## ПРАВОВОЙ ПОРЯДОК\*)

50 лет назад, когда мы, ныне к вам, молодежи России, обращающиеся, были еще совсем молоды, наша родина, которая была нам так же дорога, как теперь вам, проходила через замечательный период своей истории. Она переболела революцию 1905-1906 годов, которая привела к крупным реформам в государственном и земельном строе, неудачную и ошибочно замышленную войну с Японией, и затяжную болезнь большинства русской интеллигенции — веру, именно веру в Революцию с прописной буквы, притом революцию бескрайнюю, ведущую к полному перевороту во всех общественных отношениях.

Вера эта отвлекала молодежь от созидательной работы в пределах тогдашних возможностей и тем затрудняла мирный путь развития. И вот эта вера начинала проходить. Началась полоса быстрого хозяйственного и культурного подъема. Промышленность, к которой Россия обратилась еще в 90-ых годах XIX столетия, пошла вперед с такой быстротой, что, если бы развитие не было прервано войной и революцией, к 1940 году она достигла бы того же уровня, какой осуществился путем мучительных для народа пятилеток, — но без этих мучений. Перед сельским хозяйством открывалась перспектива свободного развития, не скованного ни общиной, ни позже навязанными ему колхозами. В культурной сфере шел процесс возрождения после длительного застоя за последнюю четверть XIX века. Это был серебряный век русской поэзии — золотым был, как вам известно, век Пушкина. Развивалась русская философия, отнюдь не марксистская. Русская музыка и русский театр поднялись на такую высоту, что показ их Западу был воспринят, как откровение. Быстрыми шагами двинулось вперед народное образование. Заново перестраивалась русская школа.

И вот, на почве этого многостороннего развития, появились бесчисленные точки для приложения сил интеллигентной молодежи. Работы, интересной и полезной, было так много, что не хватало людей, вполне к тому подготовленных. И значительная

часть молодежи поняла зов времени, отвернулась от миража революционных обещаний и принялась за дело, полезное, даже прямо необходимое. России нужно было 25 лет мира, и она стала бы страной счастливого крестьянства, но также одаренной высоко развитой промышленностью, обслуживающей подлинные человеческие нужды, а не революционный мираж, как это происходит теперь. И, главное, в ней продолжала бы процветать тонкая и многогранная культура.

Но судьба не дала России этих 25 лет. Пришла война, в значительной мере вызванная тем, что Германия ужаснулась восходящей силы России. Война пошла неудачно; правительство использовало ее для того, чтобы повернуть назад колесо истории и отнять завоеванные уже было свободы. Вопреки часто высказываемому мнению, колесо истории можно повернуть назад, но за это приходится жестоко расплачиваться. Расплата пришла в форме революции, сначала в лице прекраснородушного, но бесильного февраля, а затем в зверином образе октября. Февраль хотел ускорить развитие, которое шло за весь XIX век и начало XX; октябрь его оборвал.

Не во всех областях жизни этот обрыв оказался окончательным. Промышленность развивалась, хотя и болезненно; пришло всеобщее образование, но в односторонней форме, в которой все содержание культуры втискивается в шаблоны марксизма, ошибочность которого давно осознана там, где не правят коммунисты. Нет подлинной поэзии, нет литературы, которая могла бы удержаться в памяти грядущих поколений. Нет философии, даже марксистской. Нет живописи, если не считать иконописи социалистического строительства. И нет подлинного правового строя, без которого свободное развитие высших ценностей невозможно.

Эта утрата правовой основы жизни мне особенно чувствительна, ибо по образованию я юрист и, не будь октябрьской революции, теперь кончал бы жизнь в качестве заслуженного профессора права в одном из русских университетов. Но она горестна мне не только в качестве личной утраты, но и потому, что, в области права, России еще в 60-х годах XIX века удалось воздвигнуть величест-

венное здание, нигде не превзойденное — могу об этом засвидетельствовать с полной уверенностью после сорока лет жизни и работы в разных странах Западной Европы и Америки.

Сто лет назад, на смену так называемому дореформенному суду, к которому в значительной мере вернулось советское право, были созданы замечательные судебные уставы, которые дали России «суд скорый, правый и милостивый». Это был суд независимый от правительства: мировые судьи подлинно избирались органами тогда же созданного местного самоуправления, а члены судов более высоких рангов назначались пожизненно и могли быть уволены только по судебному приговору за точно обозначенные в законе преступления. По уголовным делам большей важности виновность подсудимого признавалась или отвергалась присяжными заседателями, независимыми от правительственной власти. Все другие дела решались судьями, получившими высшее юридическое образование, много высшего калибра, нежели то, что дается сейчас — могу судить об этом на основании сличения учебников тогдашних и нынешних. Защитники по уголовным делам также имели высшее образование и пользовались независимостью в рамках свободного самоуправления, которое зорко следило за тем, чтобы не нарушалась профессиональная этика. По уголовным делам была особенность, выгодно отличавшая Россию от стран запада: если на суде подсудимый заявлял, что он невиновен, он не мог быть подвергнут допросу, но мог по своему желанию давать объяснения по каждому поводу. Всякий подсудимый по закону считался невиновным, пока его виновность не была доказана вне разумного сомнения. Права личности были действительно ограждены судом.

Этот суд применял законы, которые все более и более модернизировались. В 1903 году было утверждено уголовное уложение, которое поставило Россию в число передовых стран по данному вопросу. Наилучшие части уголовного кодекса 1926 года — это как раз те, которые переняты из уложения 1903 года. На этой почве на Западе иногда происходят курьезные недоразумения. Не так давно один американский ученый, ознакомившись с кодексом 1926 года, горя-

\*) Из сборника « Старые молодым », Мюнхен, 1960.

чо рекомендовал своим соотечественникам заимствовать из него некоторые постановления. К великому конфузу, из моей статьи он узнал, что в сущности он рекомендовал взять за образец уголовное уложение 1903 года. По гражданскому праву дело обстояло не так благополучно. Законы сильно устарели. Но с одной стороны Сенат (который был по существу верховным судом) своей практикой развил эти законы в соответствии с потребностями жизни, а с другой стороны ко времени революции был готов проект нового гражданского уложения, вполне согласованный с требованиями высоко развитой русской научной мысли.

Главный смысл вышесказанного в том, что жизнь в России, за малыми исключениями, протекала в рамках права, а не усмотрения административных органов. Россия была близка к идеалу правового государства, в котором люди могут свободно думать, говорить и действовать в пределах, заранее установленных законом. Те, которые, как мы, к вам обращаемся, жили в недрах такого правового порядка и потеряли его, ощущают эту утрату, как одно из вели-

чайших бедствий, постигших Россию, когда ее становой хребет был перешиблен октябрьской революцией.

Та Россия, в которой вы живете, конечно сохранила значительную часть своего исторического наследия; многое из того, что было первоначально отнято, было потом возвращено, например, наша непревзойденная классическая литература и наше национально-историческое сознание.

Но есть и огромные утраты; к их числу принадлежит утрата правового порядка, этой основы свободы, без которой человеческий дух оскудевает. Если вы задумываетесь над тем, чего нехватает в современной России, то не забудьте о правовом начале, попираемом нынешней властью. Дело конечно не в том, чтобы оживить старое право; как я уже сказал, попытки оживить прошлое кончатся катастрофой. Но принцип свободы, основанный на праве, вечен. Его усвойте себе, к нему стремитесь, на нем настаивайте, за него боритесь, как много лет за него боролись наши предки. Они победили; победите и вы, если захотите и, захотев, претворите свою волю в дела.

Was zu wünschen ist, ihr unten fühlt'es:  
Was zu geben sei, die wissen's droben.  
Gross beginnet, ihr Titanen! Aber leiten  
Zu dem ewig Guten, ewig Schönen  
Ist der Götter Werk: die lasst gewähren.  
Goethe

## I.

О. Конт установил т. наз. закон трех состояний (loi des trois états), согласно которому человечество переходит в своем развитии от теологического понимания мира к метафизическому, а от метафизического к позитивному или научному. Философия Конта ныне уже потеряла кредит, но этот мнимый закон все еще, повидимому, является основным философским убеждением широких кругов нашего общества. Между тем он представляет собой грубое заблуждение, потому что ни религиозная потребность духа и соответствующая ей область идей и чувств, ни метафизические запросы нашего разума и отвечающее на них умозрение нисколько не уничтожаются, даже ничего не теряют от пышно развивающейся на ряду с ними положительной науки. И религия, и метафизическое мышление, и положительное знание отвечают основным духовным потребностям человека, и их развитие может вести только к их взаимному прославлению, отнюдь не уничтожению. Потребности эти являются всеобщими для всех людей и во все времена их существования и составляют духовное начало в человеке в противоположность животному. Изменчивы, таким образом, только способы удовлетворения этих потребностей, которые и развиваются в истории, но не сами потребности.

Наиболее понятна и бесспорна всеобщность потребности в положительном научном знании законов внешнего мира. Имея первоначальным источником материальные потребности человека, борьбу за существование, положительная наука в дальнейшем развитии ставит себе и чисто теоретические цели установления закономерности в мире явлений. Мы наблюдаем в настоящее время беспрецедентное развитие точных знаний, к тому же, не видится конца. Однако, как бы ни развивалось положительное знание, оно всегда остается ограниченным по своему объекту, — оно изучает только обрывки действительности, которая постоянно расширяется пред глазами ученого. Задача полного и законченного знания в мире опыта есть вообще неразрешимая и неверно поставленная задача. Она так же обманчива и лжива, как задача прийти к горизонту, постоянно удаляющемуся в бесконечное пространство. Развитие положительной науки бесконечно, но эта бесконечность является и силой и слабостью положительного знания: силой в том смысле, что нет и не может быть указано границ науке в ее поступательном движении, слабостью же в том смысле, что эта бесконеч-

С. Н. БУЛГАКОВ

## Основные проблемы теории прогресса

Ниже помещаемая в несколько сокращенном виде статья Сергея Николаевича Булгакова появилась в 1902 году в сборнике «Проблемы идеализма»\*).

С. Н. Булгаков, как и очень многие из его современников, увлекался в своей молодости марксизмом. Данью этому увлечению была его первая работа, написанная в 1896 г., — «О рынках при капиталистическом производстве». Через два года он отправился в Германию, — «страну социал-демократии и марксизма», где начал работать над своей двухтомной магистерской диссертацией «Капитализм и земледелие». Углубленное занятие марксизмом не укрепило, однако, марксистских убеждений Булгакова. Напротив, чем больше он занимался марксизмом, тем больше у него открывались глаза на противоречия этого мировоззрения.

\*) Проблемы идеализма. Сборник статей: С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, П. Г., Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, Д. Е. Жуковского. Под редакцией П. И. Новгородцева. Издание Московского Психологического Общества, Москва, (1902), 521 стр.

Сначала Булгаков еще пробовал защищать марксизм, возражая П. Б. Струве, когда последний указывал на несовместимость предетерминированной цели и этического идеала, совпадение которых утверждает марксизм. Но вскоре Булгаков увидел, что Струве был прав, и начал сам критически пересматривать свои прежние марксистские позиции. Уже в его магистерской диссертации чувствуется отход от этих позиций.

Дальнейшим этапом этого отхода от марксизма является помещаемая нами критика теории прогресса. А уже через год выходит сборник статей Булгакова под знаменательным заглавием: «От марксизма к идеализму».

Одновременно с отходом от марксизма происходит возвращение Булгакова к Православию.

В 1917 году он, — ординарный профессор политической экономии Московского университета, принимает священство. С тех пор он отдает свои силы главным образом служению Церкви.

С. Н. Булгаков — один из великанов русского духовного ренессанса XX века. И мы верим, что настанет время, когда его труды перестанут на нашей родине быть запретным плодом и станут доступными широким кругам читателей.

ность движения обуславливается именно неспособностью разума окончательно разрешить свою задачу, — дать целостное знание. Мы имеем здесь пример того, что Гегель называл плохой, несовершенной бесконечностью (*schlechte Unendlichkeit*, собственно *Endlosigkeit*), в отличие от бесконечности, являющейся синонимом совершенства. Геометрически первая может быть иллюстрирована неопределенно продолжающейся в пространстве линией, вторая же — кругом. Так как, рассуждая чисто математически, в сравнении с бесконечностью теряют значение всякие конечные величины, как бы ни различались при этом их абсолютные размеры, то можно поэтому сказать, что в настоящее время положительная наука нисколько не ближе к задаче дать целостное знание, как была несколько веков тому назад или будет через несколько веков вперед.

Но человеку необходимо иметь целостное представление о мире, он не может согласиться ждать с удовлетворением этой потребности до тех пор, пока будущая наука даст достаточный материал для этой цели, ему необходимо также получить ответы и на некоторые вопросы, которые уж совершенно выходят за поле зрения положительной науки и не могут быть ею даже и признаны. Вместе с тем человек неспособен заглушить в себе эти вопросы, сделать вид, что они не существуют, практически их игнорировать, как это в сущности предлагает сделать позитивизм и разных оттенков агностицизм, в том числе и неокантианство, особенно позитивного толка. Для человека, как разумного существа, бесконечно важнее любой специальной научной теории представляется решение вопросов о том, что же представляет собою наш мир в целом, какова его субстанция, имеет ли он какой-либо смысл и разумную цель, имеет ли какую-либо цену наша жизнь и наши деяния, какова природа добра и зла и т. д. и т. д. Словом, человек спрашивает и не может не спрашивать не только **как**, но **что**, **почему** и **зачем**. На эти вопросы нет ответа у положительной науки, точнее, она их не ставит и не может разрешить. Разрешение их лежит в области метафизического мышления, отстаивающего таким образом свои права наряду с положительной наукой. Компетенция метафизики больше, чем положительной науки, как потому, что метафизика решает вопросы более важные, нежели вопросы опытного знания, так и потому, что, пользуясь умозрением, она дает ответ на вопросы, которые не под силу опытной науке. Метафизика и наука, конечно, соединены между собою неразрывной связью; выводы положительного знания дают материал, над которым работает метафизическая мысль, которая поэтому подлежит также закону развития. Но здесь не место анализировать эти сложные соотношения.

Однако существует целый ряд философских школ, отрицающих права метафизики на существование, как-то: позитивизм, материализм, неокантианство и нек. др. Не противоречит ли это высказанному утверждению о всеобщности и необходимости метафизического мышления? Нисколько не противоречит, ибо все эти школы в сущности отрицают не метафизику, а лишь известные выводы и известные методы метафизического мышления. Но они не могут тем самым упразднить метафизических вопросов, как упразднены с развитием науки вопрос о леших и домовых, или вопрос о жизненном эликсире или алхимическом изготовлении золота и т. д.

Напротив, все эти школы, даже отрицающие метафизику, имеют свои собственные ответы на ее вопросы. В самом деле, если я ставлю вопрос о бытии Божиим или о сущности вещей (*Ding an sich*) или о свободе воли, и затем отрицательно отвечаю на эти вопросы, то я вовсе не уничтожаю метафизику; напротив, я тем самым признаю ее, признавая законность и необходимость постановки этих вопросов, не вмещающихся в рамки положительного знания. Различие ответов на метафизические вопросы разделяет между собою представителей разных философских школ, но это не уничтожает того общего факта, что все философы суть метафизики по самой природе человеческой мысли.

В наш атеистический век наибольшие недоразумения может возбудить утверждение о том, что религия отвечает столь же основной потребности человеческого духа, как наука и метафизика. Разрушая или временно упраздняя ту или иную определенную форму религиозных верований, люди часто думают, что они разрушили или упразднили и самую религию. К чести человечества, это мнение совершенно несправедливо. Религиозное чувство остается в человеке, несмотря на перемену религии. В самом деле, было бы наивно близорукостью думать, что человек, теряя в 20-летнем возрасте веру в Бога, следовательно изменяя свои философские воззрения, вместе с тем теряет и религиозное чувство, а, возвращаясь к этой вере, вновь его восстанавливает. Нерелигиозных людей нет, а есть лишь люди благочестивые и нечестивые, праведники и грешники. Религию имеют и атеисты, хотя, конечно, вероисповедание их другое, чем у теистов. Примером может служить учение О. Конта, который, вслед за упразднением христианства и метафизики, считает необходимым установить религию человечества, причем объектом ее явилась бы «la grande conception d'Humanité, qui vient éliminer irrévocablement celle de Dieu» (*Syst. de polit. posit. I, 106*).

То, что в метафизике мы познаем как высший смысл и высшее начало мира, как предмет религиозного обожания становится святыней сердца.

Конечно, мы не тщимся дать здесь определение религии, которое охватило бы все стороны религиозной жизни во всей ее конкретной сложности. Для нас имеет значение здесь лишь разграничить ее от смежных областей деятельности духа. Религия есть активный выход за пределы своего я, живое чувство связи этого конечного и ограниченного я с бесконечным и высшим, расширение нашего чувства в бесконечность в стремлении к недостижимому совершенству. Только религия устанавливает поэтому связь между умом и сердцем человека, между его мнениями и его поступками. Человек, который жил бы без всякой религии за личный страх и счет своего маленького я, был бы отвратительным уродом. И, напротив, для человека истинно религиозного вся его жизнь, от крупного до мелкого, определяется его религией, и нет таким образом ничего, что являлось бы в религиозном отношении индифферентным.

Основные положения религии являются вместе с тем и конечными выводами метафизики, получившими, следовательно, свое оправдание пред разумом. Но религия, как таковая, не удовлетворяется этими продуктами рефлексии дискурсивного мышления. Она имеет свой собственный способ непосредственно, интуитивно получать нужные для нее истины. И этот способ интуитивного знания (если только здесь применимо слово «знание», неразрывно связанное с дискурсивным мышлением и, следовательно, с доказательствами и доказуемостью) называется **верою**. Вера есть способ знания без доказательства, уповаемых извещении, вещей обличение невидимых, по превосходной характеристике ее у ап. Павла. Бесспорность, несомненность тех положений, которые, как предмет доказательства, обладают всей спорностью и шаткостью, свойственной нашему знанию, составляет отличительные черты всех религиозных истин (независимо от того, с теистической или атеистической религией мы имеем дело), и именно эта непосредственная их очевидность и обуславливает ту живую связь, какая здесь существует между мыслью и волей человека<sup>1)</sup>.

Благодаря указанным особенностям, круг доступного вере шире, чем круг доступного дискурсивному мы-

<sup>1)</sup> Своеобразную и практически чрезвычайно важную промежуточную ступень между верой и знанием составляет так называемое **убеждение**. Убеждение есть субъективно наиболее ценная для нас часть наших мнений, но вместе с тем убежденным можно быть лишь в том, что не имеет характера логической бесспорности, а в большей или меньшей степени поддерживается верой. Нельзя быть убежденным, напр., в том, что  $2 \times 2 = 4$ , или в том, что сегодня такое то-число.

шлению; верить можно даже в то, что не только недоказуемо, но и не может быть сделано вполне понятным разуму, и эта область собственно и составляет специальное достояние веры. Рассматривая дело исключительно с формальной стороны, мы должны, следовательно, сказать, что те знания (как ни мало, повторяю, подводит здесь это слово), которые дает вера, богаче и шире тех, которые дает опытная наука и метафизика: если метафизика разрывает границы опытного знания, то вера уничтожает границы умопостижимого. (Вопрос о взаимном отношении веры и умозрения принадлежит к числу наиболее важных и интересных вопросов метафизики. Вспомним здесь учение Якоби, Фихте второго периода и др., в особенности же глубокомысленную теорию познания В. С. Соловьева).

## II.

Считается наиболее соответствующим состоянию современной мысли и знаний механическое миропонимание. В мире царит, по этому воззрению, механическая причинность. Начавшись неведомо когда и как, а может быть, существуя извечно, мир наш развивается по закону причинности, охватывающему как мертвую, так и живую материю, как физическую, так и психическую жизнь.

Но любопытно, что и механическая философия оказывается не в состоянии выдержать до конца последовательное развитие своих принципов, а кончает тем, что тоже старается вмести в свои рамки телеологию, признать конечное торжество разума над неразумной причинностью, подобно тому, как это делается и в философских системах, исходящих из совершенно противоположного принципа. Это бегство от своих собственных философских начал выражается в молчаливом или открытом признании того факта, что на известной стадии мирового развития эта же самая причинность создает человеческий разум, который затем и начинает устроить мир, сообразуясь со своими собственными разумными целями. Эта победа разума над неразумным началом совершается не сразу, а постепенно, причем коллективный разум объединенный в общество людей побеждает все больше и больше мертвую природу, научаясь ею пользоваться для своих целей; таким образом мертвый механизм постепенно уступает место разумной целесообразности, своей полной противоположности. Вы узнали уже, что я говорю о теории прогресса, составляющей необходимой часть всех учений современного механического миропонимания.

Если условиться, вслед за Лейбницем, называть раскрытие высшего разума, высшей целесообразности в мире теодицеей, то можно сказать, что теория прогресса является для механического миропонимания теоди-

цеей, без которой не может, очевидно, человек обойтись. Рядом с понятием эволюции, беспечного и бессмысленного развития, создается понятие прогресса, эволюции телеологической, в которой причинность и постепенное раскрытие цели этой эволюции совпадают до полного отождествления, совсем как в упомянутых метафизических системах. Итак, оба учения, — о механической эволюции и о прогрессе, — как бы они ни разнились по своим выводам, соединены между собою необходимой внутренней, если не логической, то психологической связью.

Таким образом, теория прогресса для современного человечества есть нечто гораздо большее, нежели всякая рядовая научная теория, сколь бы важную роль эта последняя ни играла в науке. Значение теории прогресса состоит в том, что она призвана заменить для современного человека утерянную метафизику и религию, точнее, она является для него и тем и другим. Мы имеем в ней, может быть, единственный пример в истории, чтобы научная (или мнящая себя научной) теория играла такую роль. Грядущие судьбы человечества обсуждаются и взвешиваются нами с таким жаром не из платонического интереса к судьбам этого будущего человечества, но из-за нас же самих, настоящих людей, ибо в зависимости от этих судеб решается роковой, единственный по своему значению вопрос о смысле нашей собственной жизни, о цели бытия. В Афинах времени ап. Павла, среди храмов многих богов, в которых уже давно не верили, высился алтарь, посвященный «неведомому Богу». В этом выразилось неумолкающее искание Бога со стороны утратившего старую веру человечества. И наша теория прогресса, наша религия человечности есть алтарь «неведомому Богу»...

Что придает теории прогресса своеобразный философский интерес и что отличает ее от других религиозно-философских учений — это то, что по основной мысли того метафизического учения, которое создало теорию прогресса, эта философия, вместе с тем являющаяся и религией, строится исключительно средствами позитивного знания, не только не переступая в область сверхопытного, но принципиально осуждая и отрицая такой переход, не только не прибегая к обычному способу религиозного познания, к вере, но опять таки сознательно отрицая всякие ее права и всякое ее значение. В теории прогресса позитивная наука хочет поглотить и метафизику и религиозную веру, точнее, она хочет быть триединством науки, метафизики и религиозного учения. Смелая мысль, заслуживающая во всяком случае внимательного философского разсмотрения! Вместе с тем, для современного философствующего разума не может быть предмета, более достойного размышления, по той важности, какую

имеет это учение для теперешнего человечества.

Итак, попытаемся отдать себе отчет, в какой мере позитивная наука оказывается способна сделать ненужными метафизику и веру и дать действительно научную т.-е. опытную метафизику и религию (такое соединение понятий является *contradictio in adjecto*, но оно принадлежит не нам, а разбираемой философской доктрине).

## III.

Всякая религия имеет свое *Jenseits*, — верование в то, что некогда исполнятся ее чаяния, утолится религиозная жажда, осуществится религиозный идеал. Такое *Jenseits* имеет и теория прогресса в представлениях о будущих судьбах человечества, свободного, гордого и счастливого. Но, отрицая веру и сверхопытное знание, она хочет вселить убеждение в несомненном наступлении этого будущего царства научным путем, хочет его научно предусмотреть и предсказать, подобно тому, как астроном предсказывает лунное затмение или какие-либо другие астрономические явления, которые он может с точностью вычислить за несколько веков вперед. Такое прозрение в будущее приписывается и науке об общественном развитии, социологии, которая получает поэтому совершенно исключительное значение в ряду других наук, становится как бы богословием новой религии. Отсюда понятно необыкновенное развитие общественной науки в XIX веке, и необыкновенный, совершенно исключительный интерес к этой науке, играющей в наше время столь же суверенную роль в общественном мнении, как богословие в средние века и классическая литература в эпоху гуманизма. Наибольшую веру в свои силы проявило одно социологическое учение, вызвавшее к себе наибольший энтузиазм и по сие время составляющее вероисповедание многих миллионов людей, — учение Маркса и Энгельса, теория научного социализма. Это учение хотело доказать данными научного опыта неизбежность наступления социалистического способа производства, составляющего вместе с тем и идеал современного человечества; насколько оно касается будущего, это учение представляет очень типичный и наиболее яркий пример научной теодицеи (в выше охарактеризованном смысле).

Вера в достоверность социальных предсказаний так сильно подорвана за последнее время, что с чрезмерной горячностью нападать на предсказания значило бы уже до известной степени ломиться в открытую дверь; вместе с тем надлежащее доказательство положения, что социальная наука по самой своей познавательной природе неспособна к предсказаниям, потребовало бы целого гносеологического исследования. Здесь нам

придется ограничиться лишь немногими основными пунктами<sup>2)</sup>.

Прежде всего, что значит предсказывать будущее? Это значит точно определять наступление будущих событий, в определенном пункте пространства и времени (как и предсказывает астрономия). Всякие иные предсказания суть просто общие места, из приличия называемые иногда в общественной науке латинским словом «тенденция» развития<sup>3)</sup>. Так, если кто,нибудь сообщит мне, что тенденция моего развития состоит в том, чтобы некогда умереть, я едва ли сочту это предсказанием, в котором я ожидал бы найти обозначение времени и места моей смерти. Предсказание в этом смысле вполне совпадает с пророчеством, как оно понималось в ветхозаветной истории, или волхвованием и гаданием. Способна ли социальная наука к пророчеству или, что то же, к предсказанию?

Есть два способа изучения действительности: в одном случае внимание устремляется на **общее**, в другом на **особенное**. Согласно Риккерту (развивающему здесь идеи Виндельбанда) в одном случае мы имеем естествознание, науку, оперирующую с общими понятиями, в другом — исто-

<sup>2)</sup> Настоящая работа была уже написана, когда появилось капитальное исследование Heinrich Rickert, *Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung. Eine logische Einleitung in die historischen Wissenschaften. Zweite Hälfte.* Tübingen und Leipzig. 1902. Тезис о невозможности установления исторических законов и предсказаний доказан здесь совершенно неопровержимо, так что всякие дальнейшие доказательства по существу дела являются совершенно излишними. Отсылая читателя к книге Риккерта (общих гносеологических воззрений которого я, впрочем, совершенно не разделяю), я оставляю без изменения настоящий параграф, хотя и вполне сознаю его недостаточность и неполноту.

<sup>3)</sup> Слово «тенденция», хотя и принадлежит к часто употребляемым (и злоупотребляемым) выражениям, все же представляет собой сколько-нибудь определенного термина. Чаще всего оно употребляется по отношению не к будущему, а к настоящему, причём им обозначается просто обобщающий итог изучения отдельных фактов. Напр., если на основании анализа статистических данных мы приходим к выводу, что тенденция современного развития состоит в концентрации производства, в таком случае это есть просто наиболее общая формула, выражающая смысл до сих пор протекшего развития и его резюмирующая. Но лишенная такого фактического содержания, а лишь мысленно продолжаемая от настоящего в будущее, эта тенденция превращается тотчас же в общее место, в игру ума, лишенную всякого серьезного значения.

рию, имеющую задачей возможно точное установление действительности с ее индивидуальными особенностями. В применении к социальной науке мы различаем историю в собственном смысле и социологию, науку о законах сосуществования и развития социальных явлений. Относительно способности истории как таковой делать предсказания не может быть, да и не было речи. Все упования в этом отношении возлагались на социологию. В социологии мы имеем систему понятий, абстрагированных от определенной исторической действительности и имеющих целью сделать ее **понятной**, т.е. выразимой в связанной сети логических понятий, различные соотношения которых являются социологическими законами. Таким образом все индивидуальные события, т.е. события в пространстве и времени, погашаются в абстрактных понятиях; социология в этом смысле совсем не имеет дела с событиями, относительно которых можно делать предсказания. При этом нужно еще заметить следующую особенность образования понятий в социологии, в отличие от некоторых отделов естествознания. Общие понятия естествознания получаются выделением известной суммы свойств предмета путем абстракции; но эти свойства сами по себе представляют самостоятельную реальность; наука может пользоваться поэтому своими выводами для практических целей, подвергая эти выводы, конечно, некоторому практическому учету; в этих пределах естествознание становится способно и к предсказанию. Социологические понятия, напротив, не представляют такого выделения общего и повторяющегося во всех индивидуальных случаях, получаются путем слияния целого ряда различных, но между собой связанных событий в понятие, которое и получает до известной степени значение символа, условного обозначения этого ряда явлений (напр. феодальной строй, капиталистическое производство, свобода торговли и т. д.). Первый способ образования понятий может быть уподоблен механическому выделению, второй — химическому соединению, ибо в последнем случае элементы-события теряют свое самостоятельное бытие и соединяются в новом, отличном от каждого из них синтезе.

Из такого характера социологических понятий следует, по моему мнению, что они всецело зависят от того конкретного исторического материала, от которого они абстрагированы. Изменяется этот материал, изменяются и понятия. Их может быть бесчисленное количество, вследствие разнообразия материала, создаваемого неисчерпаемым творчеством истории, а также и вследствие различных специальных целей, которые в каждом отдельном случае преследуются исследователем. Социологические понятия отличаются поэтому, так сказать, пассивным, производным ха-

рактером, они являются лишь более или менее точным логическим зеркалом действительности. Их ценность как инструмента познания никоим образом не может поэтому сравняться с естественно-научными понятиями. Исторические понятия ничем не увеличивают наших знаний, а лишь наше **понимание** связи событий. Из этого видно, что социология вовсе не способна расширить наш исторический кругозор и раскрыть для нас будущее, раз к этому неспособна история, в прямой зависимости от которой она находится.

Как бы то ни было, способность социальной науки к предсказаниям никогда не была достаточно доказана, ни теоретически, ни практически, пользуясь одно время всеми правами юридической презумпции, так что во всяком случае *onus probandi* лежит на сторонниках этого воззрения. Я думаю вообще, что ведение будущего принесло бы не счастье, а несчастье для человека, ибо сделало бы для него неинтересной, обескураживающей жизнь и особенно, будущее, которое теперь невозбранно может заполнять фантазия. Едва ли каждый из нас почувствовал бы себя осчастливленным, если бы ему была во всех подробностях раскрыта его будущая жизнь по день смерти включительно, напротив, я думаю, большее несчастье трудно себе представить. Всеведение не под силу человеку.

Однако, во избежание недоразумений, добавлю здесь, что человечество никогда не перестанет думать о завтрашнем дне и в свои представления о нем вводить то понимание действительности нынешнего и вчерашнего дня, которое дает социальная наука. Так же точно никто не может обойтись без того, чтобы на основании здравого смысла и научного опыта не составить себе известного суждения не только о настоящем, но и о ближайшем будущем, для которого каждый из нас работает. Если называть и это предсказанием, то делать предсказания о будущем в этом смысле есть право и обязанность каждого сознательного человека. Но при этом надлежит не забывать, что это предсказание ничего общего не имеет с точным научным прогнозом, а сводится к своего рода импрессионизму, не столько научному, сколько художественному синтезу, имеющему субъективную убедительность, но с полной наглядностью объективно недоказуемому<sup>4)</sup>. Действительность, конеч-

<sup>4)</sup> В заключительной главе своей книги «Капитализм и земледелие» я высказался в смысле социального агностицизма, в различных же местах ее я не отказывался судить и о ближайшем будущем развития (по преимуществу же о задачах социальной политики), насколько об этом я умел составить себе суждение. При этом я не считал нужным разъяснять и оговаривать различие этих сужде-



тивных установлениях, вообще всякого рода культурных благах, конечно, нет границ. Но эти объективные завоевания всего человечества в целом для каждого данного момента или для каждого поколения составляют лишь отправной пункт, от которого нужно двигаться вперед, ибо данный уровень культуры достается ему не как завоевание, плод борьбы и стремлений, а как готовый результат. Самый прогресс состоит не в этих объективных результатах, — стоит только предположить, что человечество сделало довольно достижимым и остановилось в своем развитии, чтобы понять, что это может значить только смерть и полное разложение, — прогресс состоит в неустанном движении вперед. А единственными носителями этого движения являются люди (а не «человечество»), которые также неспособны удовлетвориться и принять за абсолютное свое относительное существование, как и мы теперь. Представление о человечестве, как абсолюте, и с этой стороны оказывается иллюзией.

Итак, попытка представить человечество в качестве абсолюта приводит к порочному кругу: мы стремимся придать смысл своему существованию через других, а другие через нас; вся аргументация держится в воздухе.

Религиозная вера в человечество есть, таким образом, неразумная, слепая вера; по сравнению с верой, в основе которой лежат оправданные пред разумом метафизические истины, эта вера, не имеющая такого разумного фундамента, является своего рода суеверием. Таким образом, позитивизм, стремившийся только к положительному знанию и потому принципиально отрицавший и метафизику и религиозную веру, кончает суеверием.

## V

В чем же именно выражается бесконечный прогресс человечества? На этот вопрос давались и даются различные ответы. Самым простым и распространенным ответом является тот, что целью прогресса является возможно больший рост счастья возможно большего числа лиц. Точка зрения как социального, так и индивидуального эвдемонизма является этически самой грубой и неспособна ответить запросам мало-мальски развитого сознания. Она основывается, между прочим, на предположении, что может быть найден эвдемонистический масштаб и что общее количество удовольствия и неудовольствия в мире может быть точно определено, при чем нужно стремиться к тому, чтобы в окончательном итоге плюс превышал минус и все увеличивалось на счет минуса до полного исчезновения этого последнего. Социальный эвдемонизм сближается в этом случае с учением

Гартмана, который также считает возможным учитывать окончательный баланс мировой радости и горя, но приходит к совершенно противоположным выводам, при чем его эвдемонистический пессимизм, своеобразно сочетающийся с эволюционным оптимизмом, находит окончательное утверждение в его метафизике, в учении о бессознательном, как абсолютной субстанции мира, и абсолютно-случайном происхождении мира как бы вследствие ошибки абсолюта. (Но нужно отдать справедливость Гартману, что в своей этике он является ожесточенным врагом всяких эвдемонистических тенденций.) Уже то одно, что в различных случаях этот мировой баланс подводится различно, то с плюсом, то с минусом, свидетельствует о сомнительности подобной арифметики. Затруднительность подвести точный баланс объясняется невозможностью найти единицу для измерения радости и горя, ибо мы в каждом из этих состояний имеем нечто индивидуальное, определенное не количественно, а качественно, так что масштаб измерения временем или числом здесь неприменим. Сумеем ли даже мы сами сказать о себе, каких ощущений, приятных или неприятных, больше мы получили в течение не только жизни, но дня или года? Кроме того, по меткому замечанию Соловьева (в *Оправдании Добра*) баланс этот не представляет собою предмета непосредственного восприятия, каждое удовольствие или неудовольствие воспринимается отдельно, а их алгебраическая сумма есть лишь теоретический итог. Итак, невозможно решить с определенностью, существует или не существует какой-либо эвдемонистический прогресс в истории, тем более, что рядом с новыми источниками наслаждений человечество получает и новые источники страданий, новые болезни и заботы. Погоня за всеобщим счастьем как целью истории — есть невозможное предприятие, ибо цель эта совершенно неуловима и неопределима.

Социальный эвдемонизм, в сущности тот же эпикуреизм, осуждается развитым нравственным сознанием и благодаря низменности его основного принципа. Счастье — есть естественное стремление человека, но нравственным является лишь то счастье, которое является попутным и не преднамеренным спутником нравственной деятельности, служения добру. Очевидно, такое счастье не может быть поставлено само себе целью уже по тому одному, что оно не представляет собою чего-либо самостоятельного. Но если поставить знак равенства между добром и удовольствием, то нет того падения, чудовищного порока, животного эгоизма, потопления всех духовных потребностей в чувственности, которое бы не освящалось этим принципом.

Идеалом с этой точки зрения было бы обращение человечества в животное состояние. Это учение совершенно неспособно оценить всю необходимость, все возвышающее значение страдания, истолкователем которого явился в нашей литературе Достоевский. Предикат всеблаженности мыслим лишь в отношении к Богу, как существу всесовершеннейшему; для человека же нравственная жизнь без борьбы и страданий невозможна. Поэтому, если нравственная жизнь составляет истинное призвание человека на земле, страдание всегда останется неустранимым. Страдание нравственно необходимо для человека. «Крест» — есть символ страдания и освящения. Стремление облегчить или устранить страдание других людей составляет одну из основных форм нравственной жизни и деятельной любви, а сострадание одну из основных добродетелей (Шопенгауэр хотел видеть в нем даже единственную). Поэтому может показаться, что устранение страданий, как таковых, и есть настоящая, главная цель нравственной деятельности. Но неверность этого суждения станет ясна для нас, как только мы обратим внимание на то, что не всякое страдание заслуживает нашего сочувствия, не то, которое имеет корнем безнравственные стремления данного лица, и не то, которое не лечит, а нравственно возвышает человека. Мы не захотим облегчать страдания ростовщика, который лишился возможности брать ростовщический процент и сочтем безумием желание облегчить страдания Фауста так, как Мефистофель, который увез его от них на Вальпургиеву ночь. Отсюда выясняется, что сострадание само стоит под контролем высшего нравственного начала, и то, что является добром в нравственном смысле, должно цениться нами выше страданий как наших, так и чужих. Борьба с человеческим страданием теряет характер основной нравственной цели, а получает значение подчиненной.

Своеобразным эвдемонизмом проникнуто основное воззрение современной политической экономии, по которому рост потребностей и, следовательно, удовлетвий от их удовлетворения является основным принципом экономического развития. Культурой и культурностью в глазах экономической науки является именно рост чувственных потребностей и их удовлетворения. Один из наиболее решительных в этом смысле экономистов Зомбарт однажды прямо назвал этот рост потребностей «Menschenwerden». Это вполне языческая и вместе противонравственная точка зрения, которая, не различая потребностей духа и тела, обожествляет рост потребностей, как таковой. И экономическая жизнь, и экономическая наука, эту жизнь отражающая, подлежат нравственной

оценке, и лишь эта последняя может предохранить от впадения в грубое язычество. Рост материальных потребностей и их удовлетворения не является противонаправленным лишь постольку, поскольку он освобождает дух, одухотворяет человека, а не постольку он, усиливая область чувственности, содействует падению духа и победе плоти. В известной мере этот рост потребностей и экономический прогресс составляет необходимое предшествующее и духовного развития, иногда пробуждения личности (этим, по моему пониманию, характеризуется теперешний момент экономического развития России). Но рост нравственных и чувственных потребностей может отставать друг от друга и друг от друга отделяться. В таком случае рафинирование чувственности, не возбуждающее, а подавляющее деятельность духа, является своеобразной нравственной болезнью, нравственным убожеством, протекающим уже от богатства, а не от бедности. Эту двусторонность экономического прогресса забывают экономисты, когда, увлекаясь своей специальной точкой зрения, отождествляют ее с общечеловеческой и общекультурной. Культурное варварство, которое вырабатывается современной экономической жизнью, не лучше, а хуже первобытного варварства именно благодаря утонченности потребностей нового человека. Этический материализм или духовная буржуазность составляет несомненную и, повидимому, усиливающуюся болезнь современного европейского общества; та же буржуазность некогда погубила римскую цивилизацию. Эту буржуазность этически санкционирует языческая наука, объявляя удовлетворения тела самостоятельным и бесспорным благом. Не отрицая того, вполне бесспорного факта, что рост личности, а также ее нравственное развитие до известной степени неразрывно связаны с материальным прогрессом, мы не можем не признать здорового аскетического зерна в учении Л. Н. Толстого, несмотря на его крайности и очевидные одно-сторонности.

Вполне буржуазным и потому гедонистическим характером отличается одно современное учение, исходящее из лагеря тех, кто считает себя наибольшими и притом принципиальными врагами буржуазии. Мы разумеем знаменитое учение о классовых интересах и о классовой борьбе, классовом эгоизме и классовой солидарности, если рассматривать классовую борьбу не как случайное историческое средство для достижения высшей этической цели, а как вполне самостоятельный этический принцип. Классовая борьба является формой отстаивания своих прав на участие в благах жизни. При распределении этих благ есть обделенные и обделившие (буржуа имущие

и неимущие, как выражался наш Герцен), но с этической точки зрения обе борющиеся партии равны между собою, поскольку ими руководит не этический и религиозный энтузиазм, а чисто эгоистические цели. Очевидно, что на голом классовом интересе можно воспитать новую буржуазию, но нельзя основать великого исторического движения. Конечно, величайшее движение современности никогда всецело не основывалось и не могло быть основано на этом принципе классовой борьбы, а всегда было выше этого принципа. Во всяком случае, можно сказать, что степень торжества этого принципа обратно пропорциональна этической высоте движения, и полное его торжество способно было бы уронить его до полной буржуазности.

Эвдемонистический идеал прогресса, как масштаб при оценке исторического развития, приводит к прямо противонаправленным выводам. Ибо, с этой точки зрения, страдания, одних поколений являются мостом к счастью для других; одни поколения должны почему-то страдать, чтобы другие были счастливы, должны своими страданиями «унавозить будущую гармонию», по выражению Ивана Карамазова. Но почему же Иван должен жертвовать собою будущему счастью Петра и не имеет ли Иван, как человеческий индивид, с этой точки зрения, таких же прав на счастье, как будущий Петр? Не является ли поэтому логичным и согласным эвдемонистической теории желание Ивана поменяться ролями с будущим Петром и сделать своим уделом счастье, а его — страдание? Не представляется ли доказуемой из принципов эвдемонизма, наряду с теорией прогресса и теория *après nous le déluge*, т. е. полного эгоизма?!

С другой стороны, какую этическую ценность представляет это будущее счастье, купленное чужим потом и кровью, может ли быть чем-нибудь оправдана такая цена прогресса и этого счастья? Наши потомки представляются вампирами, питающимися нашей кровью. Строить свое счастье на несчастьи других во всяком случае безнравственно, и воззрение, оправдывающее такой образ действий, хотя бы и касательно будущего поколения, тоже безнравственно. Наличие страдания с эвдемонистической точки зрения есть абсолютное зло, и этим абсолютным злом не может и не должно быть куплено будущее счастье. Мир, который был бы устроен подобным образом и на подобных началах, не стоил бы того, чтобы в нем жить уважающему себя человеку. Ему остается «почтительнейше» возвратиться билет». Именно против такого мира «бунтует» Иван Карамазов.

Справедливость требует признать, что, хотя некоторую окраску эвде-

монизма имеют все версии теории прогресса, но ни в одной из них он не проводится последовательно в качестве исчерпывающего принципа.

Нет спора, что этот идеал является гораздо возвышеннее предыдущего, но попытка его обоснования с точки зрения позитивизма ведет к еще большим трудностям. Для того, чтобы говорить об усовершенствовании, как приближении или стремлении к некоторому идеалу совершенства, нужно наперед иметь этот идеал. И это вдвойне верно потому, что это усовершенствование мыслится как бесконечное, следовательно, ни одна из данных ступеней развития этим совершенством не обладает, поэтому, понятие совершенства не может быть получено индуктивно из опыта. Этот идеал, таким образом, с одной стороны не вмещается в рамки относительного опыта, другими словами, он абсолютен, с другой стороны этот абсолютный идеал, развитие и осуществление которого не вмещается в опыте, очевидно, может быть только внеопытного или сверхопытного происхождения. Истоптанная тропинка опыта и здесь с необходимостью приводит нас к трудному и скалистому пути умозрения. Позитивизм еще раз делает сверхсметное позаимствование у метафизики, что опять доказывает невозможность разрешения самых основных вопросов жизни и духа в границах опытного знания.

Сказанное придется еще усилить. **когда мы обратимся к последней и самой возвышенной формуле прогресса, согласно которой он состоит в создании условий для свободного развития личности.** Эта формула, наряду с учением классовой борьбы и вообще более или менее эвдемонистическим пониманием прогресса, является эзотерической мудростью Маркса, которой он обязан своим знакомством с философией Гегеля. Эта формула представляет таким образом прямое позаимствование у метафизики, но оно сделано таким же внешним, механическим образом, каким и вообще совершена «перестановка вверх ногами» философии Гегеля у Маркса. Из живой формулы, стоявшей в связи с целым мировоззрением и органически из него проистекавшей, получилась мертвая схема, в которой был утерян ее философский смысл, именно учение о развитии духа к свободе, т. е. самосознанию. Трудно быть высокого мнения о всей этой философской операции (для надлежащего выяснения которой понадобился бы обширный экскурс в философию Гегеля), но лишь в результате такой операции получилось учение о прыжке из царства необходимости в царство свободы, о «Vorgeschichte», вслед за которой лишь начнется *Geschichte*<sup>6)</sup>.

<sup>6)</sup> Позитивисты наши ставят Марксу в упрек, что он сохранил некото-



Свободное развитие личности как идеал общественного развития есть основная и общая тема всей классической немецкой философии; с наибольшей силой и яркостью она выражена у Фихте. Мы думаем, что идеал этот в настоящее время должен иметь значение нравственной аксиомы. Он есть лишь выражение другими словами основной мысли этики Канта об автономности нравственной жизни, о самозаконности воли в выборе добра или зла. Воля не является теперь самозаконной в том смысле, что всякий гнет, политический, экономический, социальный, оказывая влияние на личность, стремится примешать свое преходящее и мертвящее влияние, поставить чужую и властную волю туда, где должна царить и свободно выбирать между добром и злом одна самозаконная воля. Освобождение личности есть поэтому создание условий автономной нравственной жизни. Эта этическая аксиома придает аксиоматическую непреложность, ставит выше всякого сомнения законность и обязательность современных стремлений к политической и экономической демократии, дает им этическую санкцию, поднимает, поэтому, от простой борьбы за существование на степень исполнения нравственного закона.

Марксизм берет рассматриваемую формулу, конечно, без всякого метафизического содержания. Личность здесь является не носительницей абсолютных задач, наделенной определенной нравственной природой и способностями, а всецело продуктом исторического развития, изменяющимся с последним. Понятие личности, строго говоря, здесь совершенно отсутствует, сводится лишь к чисто формальному единству я. Но в таком случае что же может значить формула: свободное развитие личности? И снова позитивная наука стучится в дверь метафизики...

Остается, наконец, еще область, где всего сильнее сказывается бессилие или недостаточность позитивной теории прогресса, ее неспособность разрешить самые основные проблемы мирозерцания. Согласно основной идее теории прогресса, в чем бы ни состояло содержание этого последнего, будущее, наступающее с естественной необходимостью и подлежа-

рые следы Гегелевской метафизики, Энгельс и ортодоксальные марксисты видят в этом, напротив, достоинство; по их мнению, Марксом удержаны все преимущества Гегелевской философии, напр. диалектический метод. Мы же не можем не выразить сожаления, что связь Гегелевской философии и учения Маркса отличается внешним, механическим характером (вплоть до ненужной имитации Гегелевской терминологии), а не является плодом органической переработки и дальнейшего развития этой философии.

Ще закону причинности, является вместе с тем и идеалом деятельности, т.-е. долженствованием, нравственным приказом, обращенным к воле. Мы наталкиваемся здесь на основную антитезу сознания, на противоположность между бытием и долженствованием, и требуется не много слов, чтобы показать, что опытная наука не в силах справиться с этой антитезой.

Прежде всего, очевидно, что из бытия никоим образом нельзя обосновать долженствования. Каким образом из того, что данное событие фактически наступит, может следовать, чтобы я должен был стремиться к нему как должному? Почему из ряда своих прошлых поступков имеющих совершенно равное значение с точки зрения общего для них господства закона причинности, одни я квалифицирую как нравственные, согласные с законом долженствования, другие как безнравственные, с ним не согласные, при чем за них мучит меня совесть хотя я не могу их изменить и уничтожить? Все изощрения пози-

тивистов представить мораль как факт естественного развития (и тем подорвать ее святость, приравняв ее всем другим естественным потребностям, как-то голода, полового размножения и т. д.) касаются только отдельных форм, особенных выражений нравственности, но они предполагают самый факт существования нравственности, без чего были бы невозможны и самые эти исследования. (Так атеисты, с чем большим пылом доказывают небытие Бога, тем наглядней обнаруживают, какую роль в их сознании играет эта проблема и насколько в нем присутствует Бог, хотя бы как предмет отрицания). Долженствование — сверхопытного происхождения, а так как долженствованием проникнута наша жизнь, то можно сказать, что и жизнь людей состоит из постоянного сочетания опытного и сверхопытного, материального и духовного начала.

Проблема долженствования есть лишь общее обозначение целого ряда проблем и перед всеми ими безмолвствует позитивная теория прогресса.

#### МАКСИМ ГОРЬКИЙ

### 1917 год\*)

19-го ноября

В «Правде» напечатано:

«Горький заговорил языком врагов рабочего класса». Это — неправда. Обращаясь к наиболее сознательным представителям рабочего класса, я говорю:

Фанатики и легкомысленные фанатазеры, возбудив в рабочей массе надежды, неосуществимые при данных исторических условиях, увлекают русский пролетариат к разгрому и гибели, а разгром пролетариата вызывает в России длительную и мрачайшую реакцию.

Далее в «Правде» напечатано:

«Всякая революция, в процессе своего поступательного развития, неизбежно включает и ряд отрицательных явлений, которые неизбежно связаны с ломкой старого, тысячелетнего государственного уклада. Молодой богатырь, творя новую жизнь, задевает своими мускулистыми руками чужое ветхое благополучие, и мещане, как раз те, о которых писал Горький, начинают вопить о гибели русского государства и культуры».

Я не могу считать «неизбежными» такие факты, как расхищение наци-

онального имущества в Зимнем, Гатчинском и других дворцах. Я не понимаю, — какую связь с «ломкой тысячелетнего государственного уклада» имеет разгром Малого театра в Москве и воровство в уборной знаменитой артистки нашей, М. Н. Ермоловой?

Не желая перечислять известные акты бессмысленных погромов и грабежей, я утверждаю, что ответственность за этот позор, творимый хулиганами, падает и на пролетариат, очевидно, бессильный истребить хулиганство в своей среде...

...И вообще — «отрицательных явлений» много, — а где же положительные? Они не заметны, если не считать «декретов» Ленина и Троцкого, но я сомневаюсь, чтоб пролетариат принимал сознательное участие в творчестве этих «декретов». Нет, если бы пролетариат вполне сознательно относился к этому бумажному творчеству, — оно было бы невозможным, в том виде, в каком дано.

Статья в «Правде» заключается нижеследующим лирическим вопросом: «Когда на светлом празднике народов в одном братском порыве сольются прежние невольные враги, на этом пиршестве мира будет ли желанным гостем Горький, так поспешно ушедший из рядов подлинной революционной демократии?»

Разумеется ни автор статьи, ни я не доживем до «светлого праздника» — далеко до него, пройдут десятилетия упорной, будничной, культурной работы для создания этого праздника.

\*) Продолжение. Начало см. «Зарубежье» № 5-6 (9-10), декабрь 1966. Из книги: Революция и культура. Статьи за 1917 г., Берлин, издание товарищества И. П. Ладыжникова [без указания года (1921 г.?)], 88 стр.

В этой книге собраны статьи Горького за 1917 г., помещенные в газете «Новая жизнь», выходившей в Петрограде.

А на празднике, где будет торжествовать свою легкую победу деспотизм полуграмотной массы и, как раньше, как всегда — личность человека останется угнетенной, — мне на этом «празднике» делать нечего и для меня это — не праздник...

6-го декабря... Когда-нибудь беспристрастный голос истории расскажет миру о том, как велика, героична и успешна была работа пролетарской интеллигенции за время с начала 90-х годов до начала войны.

Окаянная война истребила десятки тысяч лучших рабочих, заменив их у станков людьми, которые шли работать «на оборону» для того, чтоб избежать воинской повинности. Все это люди, чуждые пролетарской психологии, политически неразвитые, бессознательные и лишенные естественного для пролетария тяготения к творчеству новой культуры, — они озабочены только мещанским желанием устроить свое личное благополучие как можно скорей и во что бы то ни стало. Это люди, органически неспособные принять и воплотить в жизнь идеи чистого социализма.

И вот остаток рабочей интеллигенции, неистребленный войною и междоусобицей, очутился в тесном окружении массы, людей психологически чужих, людей, которые говорят на языке пролетария, но не умеют чувствовать по-пролетарски, людей, чьи настроения, желания и действия обрекают лучший, верхний слой рабочего класса на позор и уничтожение.

Раздраженные инстинкты этой темной массы нашли выразителей своего зоологического анархизма, и ныне, как мы видим, проводят в жизнь нищенские идеи Прудона, но не Маркса, эти вожди взбунтовавшихся мещан развивают Пугачевщину, а не социализм и всячески пропагандируют всеобщее равенство на моральную и материальную бедность.

Говорить об этом — тяжело и больно, но необходимо говорить, потому что за все грехи и безобразия, творимые силой, чуждой сознательному пролетариату, — отвечать будет именно он...

...Я уверен, что сознательный рабочий не может сочувствовать фактам такого рода, как арест Софьи Владимировны Паниной. В ее «Народном доме» на Лиговке учились думать и чувствовать сотни пролетариев, точно так же, как и в нижегородском «Народном доме», построенном при ее помощи. Вся жизнь этого просвещенного человека была посвящена культурной деятельности среди рабочих. И вот она сидит в тюрьме. Еще Тургенев указал, что благодарность никогда не встречается с добрым делом, и не о благодарности я говорю, а о том, что надо уметь оценивать полезный труд.

Рабочая интеллигенция должна обладать этим умением. Бывший ми-

нистр А. И. Коновалов, человек безукоризненно честный, выстроил у себя на фабрике в Вичуге «Народный дом», который является образцовым зданием этого типа. Коновалов — в тюрьме. Ответственность за эти нелепые аресты со временем будет возложена на совесть рабочего класса.

В среду лиц, якобы «выражающих волю революционного пролетариата», введено множество разного рода мошенников, бывших холопов охранного отделения и авантюристов; лирически настроенный, но бестолковый А. В. Луначарский навязывает пролетариату в качестве поэта Ясинского, писателя скверной репутации. Это значит — пачкать знамена рабочего класса, развращать пролетариат.

Кадет хотя бы вышвырнуть из Учредительного Собрания. Не говоря о том, что значительная часть населения страны желает, чтобы именно кадеты выражали ее мнение и ее волю в Учредительном Собрании, и потому изгнание кадета есть насилие над волей сотен тысяч людей, — не говоря уже об этом позоре, я укажу, что партия к.-д. объединяет наиболее культурных людей страны, наиболее умелых работников во всех областях умственного труда...

Рабочая интеллигенция должна... помнить, что все, что творится теперь — творится от ее имени; к ней, к ее разуму и совести история предъявит свой суровый приговор. Не все же только политика, надобно сохранить немножко совести и других человеческих чувств.

7-го декабря «Пролетариат — творец новой культуры», — в этих словах заключена прекрасная мечта о торжестве справедливости, разума, красоты, мечта о победе человека над зверем и скотом; в борьбе за осуществление этой мечты погибли тысячи людей всех классов.

Пролетариат — у власти, ныне он получил возможность свободного творчества. Уместно и своевременное спросить — в чем же выражается это творчество? Декреты «правительства народных комиссаров» — газетные фельетоны, не более того. Это — литература, которую пишут «на воде вилами», и хотя в этих декретах есть ценные идеи, — современная действительность не даст условий для реализации этих идей...

...За время революции насчитывается уже до 10 тысяч «самосудов». Вот как судит демократия своих грешников: около Александровского рынка поймали вора, толпа немедленно избивала его и устроила голосование: какой смертью казнить вора: утопить или застрелить? Решили утопить и бросили человека в ледяную воду. Но он кое-как выплыл и вылез на берег, тогда один из толпы подошел к нему и застрелил его.

Средние века нашей истории были эпохой отвратительной жестокости, но и тогда, если преступник, приговоренный судом к смертной казни, срывался с виселицы — его оставляли жить.

Как влияют самосуды на подрастающее поколение?

Солдаты ведут топить в Мойке до полусмерти избитого вора, он весь облит кровью, его лицо совершенно разбито, один глаз вытек. Его сопровождает толпа детей; потом некоторые из них возвращаются с Мойки и, подпрыгивая на одной ноге, весело кричат:

— Потопили, утопили!

Это — наши дети, будущие строители жизни. Дешева будет жизнь человека в их оценке, а ведь человек — не надо забывать об этом! — самое прекрасное и ценное создание природы, самое лучшее, что есть во вселенной. Война оценила человека дешевле маленького куска свинца, этой оценкой справедливо возмущались, упрекая за нее «империалистов» — кого же упрекнем теперь — за ежедневное, зверское избиение людей?...

...Не так давно меня обвинили в том, что я «продался немцам» и «предаю Россию», теперь обвиняют в том, что «продался кадетам» и «изменяю делу рабочего класса».

Лично меня эти обвинения не задевают, не волнуют, но — наводят на невеселые и нелестные мысли о моральности чувств обвинителей, о их социальном самосознании.

...Бросая друг другу столь беззастенчиво обвинения в предательстве, измене, корыстолюбии, лицемерии вы, очевидно, представляете себе всю Россию, как страну сплошь населенную бесчестными и подлыми людьми, а ведь вы тоже русские.

Как видите — это весьма забавно, но еще более — это опасно, ибо постепенно и незаметно те, кто играет в эту грязную игру, могут внушить сами себе, что действительно — вся Русь страна людей бесчестных и продажных...

...У меня есть любовь к рабочему человеку, есть ощущение кровной моей связи с ним, любовь и уважение к его великому труду. И, наконец, — я люблю Россию.

Народные комиссары презрительно усмеваются, о, конечно! Но это меня не убивает. Да, я мучительно и тревожно люблю Россию, люблю русский народ...

...Отсюда начинается линия моего решительного и непримиримого расхождения с безумной деятельностью народных комиссаров. Я считаю идейный максимализм очень полезным для расхлябанной русской души, — он должен воспитать в ней великие и смелые запросы, вызвать давно необходимую дееспособность, активизм, развить в этой вялой душе инициативу и вообще — оформить и оживить ее.

Но практический максимализм анархо-коммунистов и фантазеров из Смольного — пагубен для России и, прежде всего, — для русского рабочего класса.

Народные комиссары относятся к России, как к материалу для опыта; русский народ для них, — та лошадь, которой ученые бактериологи прививают тиф для того, чтоб лошадь выработала в своей крови противифосную сыворотку. Вот именно такой жестокий и заранее обреченный на неудачу опыт производят комиссары над русским народом, не думая о том, что измученная, полуголодная лошадка может издохнуть.

Реформаторам из Смольного нет дела до России, они хладнокровно обрекают ее в жертву своей грезе о всемирной или европейской революции.

В современных условиях русской жизни нет места для социальной революции, ибо нельзя же, по щучьему веленью, сделать социалистами 85% крестьянского населения страны, среди которого несколько десятков миллионов инородцев-кочевников.

От этого безумнейшего опыта прежде всего пострадает рабочий класс, ибо он — передовой отряд революции...

...Вот я и говорю, обращаясь к рабочим, сознающим свою культурную роль в стране: политически грамотный пролетарий должен вдумчиво проверить свое отношение к правительству народных комиссаров, должен очень осторожно отнестись к их социальному творчеству.

Мое же мнение таково: народные комиссары разрушают и губят рабочий класс России, они страшно и нелепо осложняют рабочее движение; направляя его за пределы разума, они создают неотразимо тяжкие условия для всей будущей работы пролетариата и для всего прогресса страны.

Мне безразлично, как меня назовут за это мое мнение о «правительстве» экспериментаторов и фантазеров, но судьбы рабочего класса и России — не безразличны для меня.

И пока я могу, я буду твердить русскому пролетариату: — Тебя ведут на гибель, тобою пользуются как материалом для бесчеловечного опыта, в глазах твоих вождей ты все еще не человек!

19-го декабря

Революция углубляется...

Бесшабашная демагогия людей, «углубляющих» революцию, дает свои плоды, явно губительные для наиболее сознательных и культурных представителей социальных интересов рабочего класса. Уже на фабриках и заводах постепенно начинается злая борьба чернорабочих с рабочими квалифицированными; чернорабочие начинают утверждать, что слесари, токари, литейщики и т.д. суть «буржуи». Революция все углубляется

во славу людей, производящих опыт над живым телом рабочего народа.

А рабочие, сознающие трагизм момента, испытывают величайшую тревогу за судьбу революции.

«Боюсь, — пишет мне один из них — что недалек уже тот день, когда массы, не удовлетворившись большевизмом, навсегда потеряют веру в социализм и повернут все взоры опять к прошлому, к черному монархизму, и тогда дело освобождения народов погибнет на сотни лет. Я думаю, что это будет, ибо большевизм не осуществит всех чаяний некультурных масс, и вот, я не знаю, что нам, находящимся среди этих масс, делать для того, чтоб не дать угаснуть вере в социализм и в лучшую жизнь на земле».

«Положение мало-мальски развитого рабочего в среде обалдевшей массы становится похоже на то, как бы ты стал чужой для своих же», — сообщает другой.

Эти жалобы слышатся все чаще, предвещая возможность глубокого раскола в недрах рабочего класса. А иные рабочие говорят и пишут мне:

— «Вам бы, товарищ, радоваться, пролетариат победил!»

Радоваться мне нечему, пролетариат ничего и никого не победил...

...Идеи не побеждают приемами физического насилия. Победители обычно — великодушны, — может быть по причине усталости, — пролетариат не великодушен, как это видно по делу С. В. Паниной, Болдырева, Коновалова, Бернацкого, Каргашева, Долгорукова и других заключенных в тюрьму неизвестно за что.

Кроме названных людей в тюрьмах голодают тысячи, — да тысячи! — рабочих и солдат.

Нет, пролетариат не великодушен и не справедлив, а ведь революция должна была утвердить в стране возможную справедливость. Пролетариат не победил, по всей стране идет междоусобная бойня, убивают друг друга сотни и тысячи людей. В «Правде» сумасшедшие люди науськивают: бей буржуев, бей калединцев! Но буржуи и калединцы ведь это все те же солдаты — мужики, солдаты — рабочие, это их истребляют и это они расстреливают красную гвардию. Если бы междоусобная война заключалась в том, что Ленин бы вцепился в мелкобуржуазные волосы Милюкова, а Милюков трепал бы пышные кудри Ленина.

— Пожалуйста! Деритесь, пань!

Но дерутся не пань, а холопы, и нет причин думать, что эта драка кончится скоро. И не возмущаясь, видя как здоровые силы страны погибают, взаимно истребляя друг друга. А по улицам ходят тысячи людей и, как будто бы сами над собой издеваясь, кричат: «Да здравствует мир»...

...всего больше меня и поражает, и пугает то, что революция не несет в себе признаков духовного возрождения человека, не делает людей честнее, прямодушнее, не повышает их самооценки и моральной оценки их труда.

Есть, конечно, люди, которые ходят «гоголем», напоминая циркового борца, успешно положившего противника своего «на обе лопатки», — об этих людях не стоит говорить. Но в общем, в массе — не заметно, чтоб революция оживляла в человеке это социальное чувство. Человек оценивается так же дешево, как и раньше. Навыки старого быта не исчезают. «Новое начальство» столь же грубо, как старое, только еще менее внешне благовоспитано. Орут и топаят ногами в современных участках, как и прежде орали. И взятки хапают, как прежние чинуши хапали, и людей стадами загоняют в тюрьмы. Все старенькое, скверненькое пока не исчезает.

Это плохой признак: он свидетельствует о том, что совершилось только перемещение физической силы, но это перемещение не ускоряет роста сил духовных.

А смысл жизни и оправдание всех мерзостей ее только в развитии всех духовных сил и способностей наших.

Об этом — преждевременно говорить, сначала мы должны взять в свои руки власть.

Нет ада более подлого, чем власть над людьми: мы должны помнить это, дабы власть не отравила нас, превратив в людоедов еще более мерзких, чем те, против которых мы всю жизнь боролись...

21-го декабря

...Уничтожив именем пролетариата старые суды, гг. народные комиссары этим самым укрепили в сознании «улицы» ее право на «самосуд», — звериное право. И раньше, до революции, наша улица любила бить, предаваясь этому мерзкому «спорту» с наслаждением...

...И вот теперь этим людям, воспитанным истязаниями, как бы дано право свободно истязать друг друга. Они пользуются своим «правом» с явным сладострастием, с невероятной жестокостью. Уличные «самосуды» стали ежедневным «бытовым явлением», и надо помнить, что каждый из них все более и более расширяет, углубляет тупую, болезненную жестокость толпы...

...Я не знаю, что можно предпринять для борьбы с отвратительным явлением уличных кровавых расправ, но народные комиссары должны немедленно предпринять что-то очень решительное. Ведь не могут же они не сознавать, что ответственность за кровь, проливаемую озверевшей улицей, падает и на них, и на класс, интересы которого они пытаются осуществить. Эта кровь грязнит знамена пролетариата, она пач-

кает его честь, убивает его социальный идеализм.

Больше, чем кто-либо, рабочий понимает, что воровство, грабеж, корыстное убийство, все это глубокие язвы социального строя, он понимает, что люди не рождаются убийцами и ворами, — а делаются ими. И, — как это само собою разумеется, — сознательный рабочий должен с особенной силой бороться против «самосуда» улиц над людьми. . .

23-го декабря

. . . Хотят арестовать Ираклия Церетели, талантливого политического деятеля, честнейшего человека.

За борьбу против монархии, за его защиту интересов рабочего класса, за пропаганду идей социализма, старое правительство наградило Церетели каторгой и туберкулезом.

Ныне прарительство, действующее якобы от имени и по воле всего пролетариата, хочет наградить Церетели тюрьмой — за что? Не понимаю.

Я знаю, что Церетели опасно болен, но, — само собою разумеется, я не посмел бы оскорбить этого мужественного человека, взывая о сострадании к нему. Да — и к кому бы я взывал? Серьезные, разумные люди, не потерявшие головы, ныне чувствуют себя «в пустыне, — увьи! — не безлюдной». Они — бессильны в буре возбужденных страстей. Жизнью правят люди, находящиеся в непрерывном состоянии «запальчивости и раздражения». Это состояние признается законом одною из причин, дающих преступнику право на снисхождение к нему, но — это все-таки состояние «вменяемости».

«Гражданская война», т.е. взаимостребление демократии к злорадному удовольствию ее врагов, затеяно и разжигается этими людьми. И теперь уже и для пролетариата, околдованного их демагогическим красноречием, ясно, что ими руководят не практические интересы рабочего класса, а теоретическое торжество анархо-синдикалистских идей.

Сектанты и фанатики, постепенно возбуждая несбыточные, неосуществимые в условиях действительности надежды и инстинкты темной массы, они изолируют пролетарскую, истинно социалистическую, сознательно революционную интеллигенцию, — они отрывают у рабочего класса голову.

И если они решаются играть судьбою целого класса, — что им до судьбы одного из старых, лучших товарищей своих. . .

24-го декабря

. . . Мы, Русь, очевидно, пришли ко времени, когда все наши люди, возбужденные до глубины души, дол-

жны смыть, сбросить с себя веками накопленную грязь нашего быта, убить нашу славянскую лень, пересмотреть все навыки и привычки наши, все оценки явлений жизни, оценки идей, человека, мы должны возбуждать в себе все силы и способности и, наконец, войти в общечеловеческую работу устройства планеты нашей, — новыми смелыми, талантливыми работниками.

Да, наше положение глубоко трагично, но всего выше человек — в трагедии.

Да, жить — трудно, слишком много всплыло на поверхности жизни мелкой злости, и нет священного озлобления против пошлости, озлобления, убийственного для нее.

Но, как сказал Синезий, епископ Птолемаиды:

«Для философа необходимо спокойствие души — искусного кормчего воспитывают только бури».

Будем верить, что те, кто не погибнет в хаосе и блуде, — окрепнут

и воспитают в себе непоколебимую силу сопротивления древним, зверским началам жизни.

Сегодня — день Рождения Христа, одного из двух величайших символов, созданных стремлением человека к справедливости и красоте. . .

. . . В эти страшные для многих дни мятежа, крови и вражды не надо забывать, что путем великих мук, невыносимых испытаний, мы идем к возрождению человека, совершаем мирское дело раскрепощения жизни от тяжких, ржавых цепей прошлого.

Будем же верить сами в себя, будем упрямо работать, — все в нашей воле, и нет во вселенной иного законодателя, кроме нашей разумной воли.

Всем, кто чувствует себя одиноко среди бури событий, чье сердце точат злые сомнения, чей дух подавлен тяжелой скорбью, — душевный привет!

И душевный привет всем безвинно заключенным в тюрьмах.

## Хор русской молодежи

22-го января с.г., в переполненном лютеранском храме Св. Троицы в Мюнхене. (билетов и программ не хватало!) состоялся второй открытый концерт хора Св.-Серафимовского православного русского прихода в Мюнхене. Регент и один из трех солистов хора Виктор Анатольевич Древин показал, каких результатов можно добиться, поставив работу церковного хора на уровень серьезной художественной отделки песнопений и их интерпретации. Маленький, даже миниатюрный хор в 11 человек (русская молодежь от 16 до 30 лет) пел в большом помещении храма так слитно, ровно и эластично, что впечатление полноты ни разу не нарушилось. Наибольшая заслуга регента заключается в том, что он, так сказать, «модернизировал» наше церковное пение, т.е. в первую очередь отбросил балласт 18-го, 19-го веков, все наносное, западное, не отвечающее содержанию православного богослужения. Он вернулся к древнерусским распевам (главным образом к знаменному), звучащим для многих, увьи, непривычно, но содержащих в себе то, что можно назвать подлинной красотой. Это значит, что они гармонируют со словом, с тем словом, которое в церкви и есть и должно оставаться первичным и доминирующим, подчеркивающимся и подтверждающимся движением и интонацией человеческого голоса.

Кроме древних напевов В. А. Древин представил на описываемом концерте и свои композиции и обработ-

ки (чин венчания). Эта часть концерта полностью подтверждает вышесказанное о духе и стиле как композиций, так и их исполнения. Чрезвычайно отрадно отметить, что в русском зарубежье не только пожилые люди, знающие и помнящие Россию, могут вести русское культурное дело, но и молодые, родившиеся и выросшие за границей, не только продолжают беречь переданные им культурные ценности, но развивают и умножают их. Еще следует отметить, что трое солистов, Светлана Ландезен (сопр.), Александр Шлиппе (бас) и Виктор Древин (баритон) исполнили свои сложные, отчасти очень сложные сольные партии с настоящим мастерством. У всех троих не только хорошие голоса, но и законченная школа, серьезная подготовка и выработка вещей и, что всего важнее, художественность исполнения, когда слушатель перестает замечать и регистрировать то или иное преимущество композиции и исполнения, а просто заслушивается и мысленно восклицает: как хорошо!

В Мюнхене с большим интересом ожидают следующего концерта Св.-Серафимовского хора, который состоится осенью 1967 года.

А. Б.

## Сергей Николаевич Булгаков

(КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЧЕСКАЯ СПРАВКА)

С. Н. Булгаков родился 16 (28) июня 1871 г. в Ливнах (Орловская губерния) в семье священника.

В 1889 г. он окончил Елецкую гимназию, после чего поступил на юридический факультет Московского университета.

В этот период Булгаков увлекается марксизмом и изучает главным образом политическую экономию. После окончания университета в 1894 г. он остается при кафедре политической экономии и статистики для подготовки к профессорскому званию. В 1898 г. он отправляется в научную командировку за границу, где работает над своей магистерской диссертацией («Капитализм и земледелие»). В этот период начинается отход Булгакова от марксизма. После возвращения в Россию и защиты в 1901 г. магистерской диссертации, он избирается ординарным профессором Киевского политехникума и приват-доцентом Киевского университета.

В 1906 г. Булгаков переезжает в Москву, где становится профессором политической экономии Московского коммерческого института и приват-доцентом Московского университета. В том же году он избирается во 2-ю Государственную Думу.

В 1909 г. Булгаков принимает участие в знаменитом сборнике «Вехи».

В 1912 г. — защита докторской диссертации («Философия хозяйства»).

В 1917 г. Булгаков избирается ординарным профессором политической экономии Московского университета. Вскоре после этого он принимает священство.

В 1918 г. он участвует как делегат высших учебных заведений Москвы во Всероссийском церковном соборе и избирается в члены Высшего церковного совета.

В 1919 г. он переезжает в Крым, где становится профессором политической экономии Симферопольского университета.

В 1921 г. Советская власть лишает его профессуры по причине священства, а 1 января 1923 г. высылает его из России в Константинополь.

Из Константинополя Булгаков попадает сначала в Прагу (Чехословакия), а в 1925 г. переезжает окончательно в Париж, где становится профессором русского Православного богословского института.

Последний период своей жизни о. Сергей Булгаков полностью отдает церковной, церковно-общественной и богословской деятельности.

О. Сергей скончался в Париже 12 июля 1944 г.

Наиболее подробное описание жизненного пути Булгакова мы находим в труде Л. А. Зандера: Бог и мир. Миросозерцание отца Сергея Булгакова. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1948, том I, 480 стр. и том II, 386 стр. Том II содержит также полную библиографию трудов Булгакова.

Ниже мы помещаем лишь список его книг:

О рынках при капиталистическом производстве. Москва, 1896.

Капитализм и земледелие. Том I и II. СПб, 1900.

От марксизма к идеализму. Сборник статей. СПб, 1903, XXI + 347 стр.

Краткий очерк политической экономии. Выпуск I. Москва, 1907.

Два града. Москва, издат. «Путь», 1911, Том I, XXI + 303 стр., Том II, 313 стр.

Философия хозяйства. Часть I. Москва, издат. «Путь», 1912, IV + 321 + V стр. (японское издание: Токио, 1930, 464 стр.).

Очерки по истории экономических учений. Москва, издание I, 1913; издание II, 1918.

Свет Невечерний. Москва, издат. «Путь», 1917, IV + 417 стр.

Тихие думы. Москва, издат. Лемана и Сахарова, 1918, 203 стр.

На пиру богов. София, Российско-Болгарское Книгоиздательство, 1921, 118 стр.

Свв. Петр и Иоанн. Два Первоапостола. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1926, 94 стр.

Купина неопалимая. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1927, 292 стр.

Друг Жениха. О православном почитании Предтечи. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1928, 277 стр.

Трагедия философии. Книга написана в 1920 г., но по-русски не опубликована. Имеется издание на немецком языке:

Die Tragödie der Philosophie. Darmstadt, Otto-Reichl-Verlag, 1927, 328 S.

Лествица Иаковля. (Об ангелах). Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1929, 232 стр.

Икона и иконопочитание. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1931, 166 стр.

О чудесах евангельских. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1932, 116 стр.

Православие. Русский текст до сих пор не опубликован. Имеются издания на французском, румынском и английском языках:

L'Orthodoxie. Paris, F. Alcan, 1932, 271 p.p.

Orthodoxie. Sibiu, 1933, 245 p.p.

The Orthodox Church. London, The Centenary Press, 1935, 224 p.p.

Агнец Божий. О Богочеловечестве, часть I. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1933, 473 стр.

Французское издание: Du Verbe Incarné (Angus Dei). La Sagesse Divine et la Théanthropie. Traduit du russe par Constantin Andronikof. Paris, Montaigne, 1943, 382 p.p.

Утешитель. О Богочеловечестве, часть II. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1936, 448 стр.

Французское издание: Le Paraclet. La Sagesse Divine et la Théanthropie. Traduit du russe par Constantin Andronikof. Paris, Montaigne, 1946, 382 p.p.

The Wisdom of God. A brief summary of Sophiology. New York — The Pasley Press a. London — Williams and Norgate, 1937, 223 p.p.

Радость церковная. Слова и поучения. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1938, 100 стр.

Невеста Агнца. О Богочеловечестве, часть III. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1945, 624 стр.

Автобиографические заметки. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1947, 166 стр.

Апокалипсис Иоанна. Опыт догматического истолкования. Париж, издат. ИМКА-Пресс, (1948), 354 стр.

Философия имени. Париж, издат. ИМКА-Пресс, 1953, 278 стр.

А. Желнин

Ernst Köstring: Der militärische Mittler zwischen Deutschland und der Sowjet-Union 1921 bis 1941. (Военный посредник между Германией и Советским Союзом с 1921 по 1941 год). Издание: Bundesarchiv/Militärarchiv. Издательство: E. S. Mittler & Sohn, Frankfurt/M., 1966. 344 стр. Редактор: Hermann Teske.

В этой книге генерал от кавалерии Эрнст Кестринг описывает свою двадцатилетнюю военную и политическую деятельность, тесно связанную с судьбой русского народа. С 1921 года он руководит Русским Подотделом Германского Военного Командования под начальством генерала Сеекта. В 1925 году генерал Кестринг назначается первым адъютантом генерала Сеекта. В этой части своих воспоминаний Кестринг дает весьма интересную информацию о сотрудничестве Рейхсвера с Красной Армией. С 1931 до 1933 и с 1935 до 1941 года он занимает пост военного аташе в Москве. С объявлением второй мировой войны генерал Кестринг назначается уполномоченным генералом по вопросам Кавказа. В 1943 году он — инспектор турецких добровольцев, сражающихся на немецкой стороне. С 1944 года он назначается генералом при русских добровольческих частях, насчитывающих, согласно его данным, не менее миллиона человек и известных под названием Русской Освободительной Армии. Очень интересно его мнение о казни маршала Тухачевского: компрометирующие документы, сфабрикованные по плану Гейдриха и подыгранные Сталину через Бенеша, были лишь поводом для уничтожения Тухачевского, явно мешавшего Сталину в проведении его дальнейших планов. Чистка высшего командного состава красной армии была уже задолго предпринята.

Л. Л.

# ХРОНИКА

## ЗАРУБЕЖНОЙ ЖИЗНИ

● 7 декабря 1966 г. в Париже состоялся спектакль русской артистки Вэллы Рейн. Зал «Сите Университер» был переполнен и спектакль был проведен блестяще.

● Русский хореограф и танцор Рудольф Нуреев прекрасно инсценировал балет «Спящая красавица» в знаменитом театре оперы и балета «Скала» в Милане (Италия). Премьера состоялась в феврале этого года.

● Импресарио Сергей Денгам и хореограф Леонид Масин совместно организовали новый балетный ансамбль «Les Ballets de Monte-Carlo». Среди солистов необходимо отметить русских танцоров Евгения Славина и Масина младшего.

● Русский хореограф и танцор Владимир Скуратов принял руководство балетом оперного театра в Страсбурге (Франция).

● Балет «Дон Кихот», поставленный Нуреевым в декабре прошлого года в Венской опере, подвергся, как мы уже сообщали, серьезной критике. Нуреев перенес центр тяжести с фигуры Дон Кихота на танцевальный дуэт цирюльника Базиля с дочерью кабатчика Китри. Молодая венская балерина Улли Вюрер, танцевавшая роль Китри, не была достаточно подготовлена к этой роли. Кроме того, учитывая ограниченные возможности венского ансамбля и кордебалета, Нуреев перегрузил постановку выступлениями солистов.

● В Марли-ле-Руа (Франция) был прочитан доклад на тему «Памяти С. П. Дягилева». Доклад читал Сергей Лифарь.

● В Кормей-ан-Паризис (Франция) в русском доме для престарелых 11 декабря 1966 г. состоялся концерт устроенный проф. З. К. Дольницким для пенсионеров дома и их гостей. Концерт был посвящен серьезной музыке и артисты Графф, Р. Дезоне, а также сам проф. Дольницкий исполняли арии из опер Гугеноты, Кармен, Фигаро и т. д.

● Общество «Наука и искусство» в Сиднее (Австралия) устраивает, помимо еженедельных вечеров, докладов и т. п. один раз в год большой концерт, приуроченный к очередному юбилею какого-либо русского артиста, музыканта, писателя или певца. В 1966 году этот «Большой концерт» состоялся в ознаменование столетия Московской консерватории, в помещении «Христианского союза молодых людей», 30-го октября. В. Стаценко в вступительном слове обрисовал историю Московской консерватории. Т. Т. Тарас — солистка австралийской оперы исполнила романсы Рахманинова и «Письмо Татьяны». В. Н. Лаптев — солист австралийской оперы, — исполнил «Христос Воскресе» и «О, если б ты могла» и каватину «Алеко». Член Сиднейского симфонического оркестра виолончелист А. И. Погодин исполнил «Ноктюрн» и «Вариации на тему Рококо» Чайковского. Мужской хор города Сиднея под управлением В. Лачтева и А. Коробко исполнил «Соловушка», «Был у Христа-младенца сад» и «Хор игроков» из «Пиковой дамы». Пианистка В. Т. Метаксас сыграла два прелюда Рахманинова. Л. М. Морозова исполнила «Вариации». Пианистка Н. Солодчина сыграла «Полишинель» Рахманинова. Пианистка О. С. Коренега-Кулинич сыграла «Прелюд» Скрябина и «Аллегория» Рахманинова. Скрипачка Морозова

исполнила «Песню индийского гостя» и «Вальс» Чайковского. Певца Л. Приклонская спела романсы Глиэра и Чайковского. А. Тиксон исполнила романсы Гречанинова и Рахманинова. Я. Рудюк спел «Благословляю вас, леса и воды» и арии Греммина и князя Игоря.

● Балалаечно-симфонический оркестр Александра Кутина выступил 10 декабря прошлого года с большой программой на концерте в Гаун Холл в Нью-Йорке. В первой части концерта были прекрасно исполнены «Славянский марш» Чайковского, прелюд к пятому акту «Руслана и Людмилы» и «Вариации на русские темы» Андреева. Во второй части программы оркестр пошел новым, не всегда удачным путем американизации и джазирования русской музыки.

На концерте выступили также украинская танцевальная группа «Днипро», хорватский хор, музыканты и танцоры, и венгерская танцевальная группа.

● 6 ноября прошлого года в Нью-Йорке выступили на общем концерте три русских музыкальных знаменитости: певица Кира Бакланова, хорошо известная американской оперной публике по ее выступлениям в «Кармен» «Мадам Баттерфляй» и в «Сельской чести»; Иосиф Шустер, уже в двенадцатилетнем возрасте дававший концерты в дореволюционном Петербурге, занимавший должности концертмейстера берлинского филармонического оркестра, а с 1934 года концертмейстера нью-йоркского филармонического оркестра. В данное время он один из лучших виолончелистов США; и Игорь Чичагов, бывший воспитанник Петербургского музыкального института, завоевавший себе в США известность как прекрасный пианист, композитор и дирижер. На концерте были исполнены соната Рахманинова, романсы и арии.

● Русский музыкант и педагог Ф. Е. Оксакский, проживающий в Сан-Пауло (Бразилия) отмечает двойной юбилей: 75-й год рождения и 55-й музыкальной деятельности. С 1958 года Ф. Е. занимает пост профессора консерватории. За это время он выпустил 25 учеников. Из них десять ведут самостоятельную педагогическую работу. Среди последних необходимо отметить И. Л. Скоблину, с успехом руководящую своей частной музыкальной школой в Сиднее (Австралия).

● В доме союза русских военных инвалидов в Монморанси (Франция) 11 декабря прошлого года был устроен вечер для жителей дома. В программе вечера были классические вещи и народные композиции, исполнявшиеся русским балалаечником Карпом Никитичем Тер-Абрамовым с участием гитариста Солеро и гармониста Хвоцинского.

● В Париже в американской церкви состоялся большой концерт русского церковного пения. Хор в 40 человек состоит из русской молодежи, прекрасно исполняющей наши церковные напевы различных стилей под опытным руководством регента Е. И. Евеца.

● 13 ноября прошлого года в зале имени Рахманинова в Нью-Йорке состоялся концерт и чествование большого мастера русского фольклора, Варвары Королевой, по случаю 55-летнего юбилея ее сценической деятельности.

● Русская певица (контральто) М. А. Гурская дала концерт арий и романсов русских композиторов в зале русской консерватории в Париже в декабре 1966 г. Концерт прошел с большим успехом.

● В Париже в галерее Вернем выставлены работы русского скульптора Ивана Терзиева. Особенно удачны его работы «фигура Дианы», молодая девушка и бюст юноши — сына скульптора.

● В Ницце (Франция), в Пале медитеранеен выставил свои работы Осип Цадкин. Бросается в глаза с большим мастерством исполненный бюст юного Пушкина.

● Выставка старинных икон и древних церковных книг была проведена в ноябре и декабре прошлого года в экуменическом доме в Нью-Йорке (475, Риверсайд драйв). Большинство экспонатов принадлежит к коллекции П. М. Фекулы. Особенно интересны: иконостас для походной церкви работы иконописца Прокопия Черина начала 17 столетия; образ Богоматери 15 века, Спасителя 16 века и много икон новгородской школы. На выставке было показано много ценных рукописных книг, крюковых записей церковных песнопений и старопечатных книг. Необходимо отметить служебник, напечатанный в 1554 году в Венеции.

● Художник Исидор Донской в ноябре прошлого года выставил свои картины (преимущественно пейзажи и композиции цветов и фруктов) в студии художницы Р. Х. Занд в Нью-Йорке.

● В Париже в помещении для выставок на рю Колизе 43, в декабре 1966 и январе 1967 года показывались акварели, рисунки и гуаши русской художницы Наталии Димитриевны ДИАМАНТИДИ, ученицы Пьера Гуасталла.

● Русская молодая художница А. А. Маргулис выставила свою картину «Лестница к небу» на выставке «Свободное искусство 1966 г.» в Париже на рю Вильсон. Картина имеет большой успех. В 1965 г. Маргулис за свою картину «Сказочная птица в цветах» получила серебряную медаль.

● На выставке Американского общества акварелистов, состоявшейся в декабре прошлого года в Нью-Йорке по случаю столетнего юбилея Общества, выставили свои картины также и русские художники Сергей Бонгарт и Сергей Голленбах.

● Три русских библиотеки в Сан-Пауло (Бразилия) имеют совсем особое значение в жизни русской колонии. Они являются центром русской жизни: книжная лавка и библиотека Сергея Успенского существуют уже более сорока лет. Библиотека «Книга» А. С. Рубанова, в которой кроме книг стоят доски со всевозможными сообщениями и объявлениями на русском языке. Публичная библиотека Валентины Владимировны Розовой специализируется по медицинским, техническим и т. п. книгам. Все три библиотеки находятся в центре города и являются удобным местом встреч. Здесь можно навести и справку о любом русском жителе Сан Пауло. Все предстоящие события, как спектакли, концерты, доклады, церковные дела и т. д. заранее обсуждаются в библиотеках.

● Обще-кадетское объединение во Франции выступило с проектом расширения Объединения приемом в свои ряды единомышленников — некадет. Объединение ставит себе задачу: в целях служения Российской госу-

дарственности – ознакомление русского народа с неизвращенным действительным прошлым России, в области истории российских Армии и Флота. Объединение верит в то, что эта деятельность окажет помощь русскому народу в нахождении его исторического пути вне всяких посторонних внутренних и внешних влияний. Объединение издает для этой цели журнал «Военная бль», выпустивший к сегодняшнему дню 84 номера. Основатель журнала и его главный редактор – председатель Объединения Алексей Алексеевич Геринг.

● На русском военном кладбище в Роудоне (Канада), воздвигнут памятник русскому воину по проекту профессора Н. А. Скородинского: на бронзовой доске, прикрепленной к гранитной скале, надпись: «Русскому воину Слава!»

● На параде Дня поминовения павших, 11 ноября прошлого года в Торонто (Канада) у памятника неизвестному солдату приняли участие и русские ветераны – участники двух мировых войн – члены Канадского легиона. Представители русского отдела капитан Б. В. Орлов и кавалер ордена святого Георгия сестра милосердия Ю. П. Круглова возложили у памятника венки, украшенный русской трехцветной лентой.

● 27 ноября прошлого года в Монреале (Канада) был отмечен праздник георгиевских кавалеров. Присутствовали члены русских военных организаций. Молебен у иконы св. Георгия Победоносца в соборе св. Николая был отслужен архиепископом Виталием.

● Пять лет тому назад в Нью-Йорке было основано «Общество русско-американских пенсионеров», поставившее себе целью оказание финансовой помощи нуждающимся пенсионерам. Многие русские, прибывшие в США после Второй мировой войны были уже в летах, и потому не имели возможности выслужить достаточную пенсию к 65-тилетнему возрасту. Поэтому месячная пенсия часто не превышает 65-ти долларов, на каковую сумму можно прожить только с большим трудом.

● Отдел Общества Галлиполийцев в США приобрел в Лейквуде дом предназначенный для членов Общества, находящихся на пенсии и желающих жить вне большого города. На торжественном открытии дома председатель Общества, генерал В. Г. Харжевский отметил заслуги членов Общества Галлиполийцев, – жителей города Лейквуда и его окрестностей, при покупке и оборудовании дома.

● 19 ноября 1966 г. в Париже было проведено очередное дружески-деловое заседание русских судебных деятелей. Были прочитаны доклады на юридические темы, в частности о правосудии в СССР, а также состоялась дискуссия.

● 20 ноября 1966 г. в Ницце (Франция), состоялась 120-я встреча Русского литературно-артистического общества, на которой кроме докладов был ряд выступлений русских певцов и актеров. Состоялся прием нескольких новых членов Общества.

● В Рочестере (США), в 1962 году был основан кружок «Литература и искусство». Устраиваются доклады, рефераты, художественные чтения, инсценировки из произведений Гоголя, Толстого и Чехова. Библиотека насчитывает более четырехсот томов. Недавно начала свою деятельность школа для русских

детей, переданная в 1966 году в ведение русского православного прихода и его настоятеля отца Андрея Семьяно. Особенно большая нужда в русских детских книгах. Руководство библиотеки просит русских людей помочь пожертвованием книг детской литературы. Посылки просят направлять по адресу: St. Marys Russian Orthodox Church Library, 460 East Ave, Rochester, N. Y. 14607, U.S.A.

● Проект русского скульптора и бывшего поручика РОА М. А. Лермонтова принят комитетом по сооружению памятника погибшим участникам Русской Освободительной Армии. Памятник будет воздвигнут на территории русского монастыря Ново-Дивеево, вблизи Нью-Йорка. Он обойдется в пять тысяч долларов. Эта сумма еще не собрана. Пожертвования просят направлять казначею комитета: S. Ivanov, P. O. Box 173, Kingsbridge Station, New York, N. Y. 10463, U.S.A.

● Генерал Г. В. Покровский, бывший начальник штаба Первого Туркестанского корпуса в Первую мировую войну и участник гражданской войны отпраздновал в русском доме в Сент-Женевьев-де-Буа под Парижем свое девяностопятилетие.

● В 1966 году в Австралии будет призвано на военную службу около пятидесяти молодых людей, бывших советских подданных Советский уполномоченный В. И. Попов передал по этому поводу правительству Австралии протест, в котором было сказано, что СССР считает всех выходцев из Советского Союза, и даже их детей своими гражданами. В ответе австралийского правительства было сказано, что русским юношам, считающим себя советскими гражданами не ставится препятствий к выезду на родину.

● 22 октября прошлого года Комитет венгров – американских граждан отметит в Вашингтоне десятилетие венгерской революции. Председатель Общества венгерских борцов за свободу помянул в своей речи тех русских солдат, которые перешли на сторону восставших венгров и погибли за свободу.

● В Толстовском Фонде в Нью-Йорке дается бесплатная юридическая консультация. Предварительная запись на прием к адвокату и справки по телефону С1 7-2922.

● Русское Студенческое Христианское Движение в Париже провело большую культурную программу в декабре 1966 г. В различных кружках Движения читались доклады, проведен был вечер поэзии и организован зимний лагерь для молодежи.

● 19 декабря 1966 г. в Париже проф. В. Н. Ильин и доктор А. П. Жаворонков прочитали две лекции на тему «Христианское учение о душе, об ее богоподобии, свободе, бессмертии и творческих энергиях.»

● В Принстонском университете (США) регулярно собираются преподаватели русского и других славянских языков на годовичные съезды, созываемые Американской ассоциацией славянских и восточноевропейских языков. В октябре прошлого года с большим успехом прошел 33-ий съезд. С докладом выступали профессор Герман Ермолаев – «Природа в «Тихом Доне» Шолохова» и профессор Альберт Парри «Советский ученый в советской беллетристике». Перл Бейнет и Петр Зилинский говорили на тему о преподавании русского языка в американских школах.

● На годовом собрании «Литературного фонда» 6 ноября 1966 г. в Плаза отеле в Нью-

Йорке Л. Д. Ржевский прочел доклад на тему «Критический реализм в современной советской литературе».

● В декабре 1966 г. в зале Берлиоз в Париже русский музыковед А. Мишагин прочел доклад на тему «Гений Рихарда Вагнера». Доклад иллюстрировался грамофонными пластинками.

● «Русская академическая группа» в Монреале (Канада) под председательством профессора Г. Н. Жекулина проводит цикл лекций на тему «Русская культура». К «РАГ» принадлежат профессора Р. В. Плетнев, Н. А. Первушин, Е. Е. Климов, К. Е. Климов, Г. Н. Климов, Г. Н. Жекулин и В. Г. Унбегаун.

● В Париже, в здании при русском соборе на рю Дарю состоялось очередное собрание русского православного общества «Икона». И. Исцеленов прочел доклад о Св. Иоанне Дамаскине, покровителе иконописцев.

● Профессор В. Н. Бутков прочел 11 декабря прошлого года в Обществе русско-американских инженеров в Рочестера (США) доклад на тему: «Роль русской эмиграции в Западной Европе».

● Литературный кружок Русского Студенческого Христианского Движения в Париже проводит регулярно лекции и доклады на литературные темы. В декабре 1966 года читались доклады о русской поэзии XX-го века. Лекторами выступали Г. В. Адамович, В. В. Вейдле и А. Г. Жабченко. Особое внимание было уделено поэзии О. Мандельштама и М. Цветаевой.

● 2 декабря 1966 г. в помещении Русского музыкального общества в Париже состоялся вечер памяти русского зарубежного поэта Александра Гингера. С докладами выступали Г. Адамович, Г. Газданов, И. Одоевцева, К. Померанцев, С. Прегель, Ю. Терапиано, К. Терешкович и А. Юлиус.

● В Париже в «Мока-клубе» был прочитан доклад-лекция нашей соотечественницей Норой Лидарцевой о Поле Верлене. Зал был полон, публика преимущественно французская с большим интересом прослушала лекцию, содержавшую много нового о знаменитом французском поэте.

● В телевизионной передаче «Панорама» в Париже был показан репортаж о жизни русских эмигрантов в Париже.

● Союз Русских писателей и журналистов в Париже устроил литературный вечер посвященный памяти Анны Ахматовой. Ряд известных русских писателей и журналистов прочитали доклады, иллюстрируя их стихотворениями Ахматовой. Зал Русской консерватории в Париже был переполнен до отказа.

● В ноябре прошлого года профессору Николаю Сергеевичу Тимашеву исполнилось 80 лет. Группа русских научных работников отметила этот юбилей выпуском сборника, посвященного Н. С. Тимашеву. В 1967 году выйдет третье издание труда Н. С. Тимашева «Социалистическая теория». В 1965 году вышла его книга на английском языке «Война и революция».

● Профессору Сергею Тимашеву, ученому биологу и химику, возглавляющему лабора-

торию и кафедру биохимии в университете Брандейса (США), присуждена годовая научная награда филаделфийского отдела Американского общества химиков.

● Академик Я. М. Соколов издал книгу «Русский фольклор» на английском языке. Этот труд, посвященный русским былинам, сказкам, песням и т. д. вышел в издательстве «Фолклор Асс» в Хетборо (США).

● Бывший полковник Белой армии Абданк-Коссовский собрал совершенно исключительный и ценнейший архив всего, что касается деятельности русской эмиграции, главным образом ее культурной жизни. В архиве представлены более семисот периодических изданий, выходящих или еще выходящих в свободном мире; 66 периодических изданий, выходящих на территории России, оккупированной германскими войсками во время последней войны и бесчисленное мно-

Одна из задач «Зарубежья» как можно шире освещать жизнь, деятельность и творчество зарубежной России в ее целом.

Редакция обращается поэтому ко всем читателям журнала с просьбой присылать нам информационный материал о событиях из жизни эмиграции. С этой же просьбой редакция обращается и ко всем организациям, учреждениям и издательствам нашего российского рассеяния.

жество русских изданий послевоенного периода. Архив хранится в Париже и несколько раз был показан в виде публичной выставки, организованной в помещении русской гимназии в Париже.

● В «Центре православных студентов в Париже», Русское Христианское Студенческое Движение организовало курсы русского языка со специальной группой для начинающих.

● 17 декабря в Париже, в зале косерватории им. С. В. Рахманинова под председательством В. К. Зайцева был устроен вечер русской поэзии на который собралось много молодежи.

● Организация Русских Юных Разведчиков (ОРЮР) в Буэнос-Айресе (Аргентина) отличается особой активностью, далеко переходящей обычные границы деятельности скаутской дружины. При ОРЮР-е в собственном доме находится русская субботняя школа и детский сад, где преподаются русский язык, история России и Закон Божий. В маленьком театре, рассчитанном на 80 зрителей, периодически ставятся спектакли для детей на мотивы русских сказок. В летнем лагере собирается до двухсот русских детей. Приобретено парусное судно. В клубе происходят регулярные сборы отряда ОРЮР, работают всевозможные кружки самодеятельности. На Новой Год скауты с успехом поставили пьесу Н. В. Гоголя «Ночь под Рождество».

● Национальная Организация Витязей (НОВ) в Париже ведет свою работу с русской молодежью в двух группах. Ниже приводим программы культурно-просветительной работы на первый квартал 1967 года:

Первая группа ОМВ под руководством старшего инструктора В. Ягелло:

8 января — елка Витязей; 18 января — доклад профессора А. Тойчебаши «Русская колонизация и завоевание Кавказа»; 1 февраля — доклад профессора П. Ковалевского «История отношений между Россией и Китаем»; 15 февраля — «фильм о северном Китае» с комментариями Бабанова; 1 марта — доклад В. Кочубея «Столыпин и его реформы»; 4 марта — вечеринка с программой и танцами; 15 марта — доклад И. Попер и В. Ягелло на тему «Коммунизм в Югославии».

Группа под руководством председательницы О. Оболенской:

8 января — елка Витязей; 11 января — доклад проф. П. Ковалевского «Русские путешественники»; 25 января — доклад В. Ягелло «Чехов и МХАТ»; 8 февраля — фильм о Святой Земле с комментариями И. Васильева; 22 февраля — доклад А. Федорова «История образования русского государства»; 4 марта — вечеринка с программой и танцами; 8 марта — доклад Ю. Залесского на тему «Отцы и дети по Тургеневу и теперь»; 22 марта доклад В. Ягелло на тему «Конституция и политический строй СССР».

Все собрания состоятся в Доме Белого Воина в 20 часов 30 на рю Мериме № 5, Париж 16.

● Белгийский отдел организации русской молодежи «Витязи» устроил зимний лагерь в Альпах Австрии. До отъезда молодежи в лагерь в Брюсселе состоялся праздник Витязей с молебном и докладом.

● Сборный скаутский отряд «Дружба» провел короткий летний лагерь от 24 декабря 66 по 5 января 67 г. в живописной местности на берегу горной реки, на земле обители «Новое Шамардино» в Кемпбелтауне (Австралия).

● Национальная Организация Русских Скаутов (НОРС) в Париже поставила собственными силами спектакль «Женитьба» Гоголя в зале на рю Оливье Нуайе. Спектакль состоялся 15 января 1967 г. Постановка шла под руководством бывших артистов М.Х.А.Т.-а В. М. Греч и П. А. Павлова.

● Русский теннисный клуб в Париже отпраздновал в декабре 1966 года свой сорокалетний юбилей.

● Русское Иосафовское училище в Бруклине (США), существует уже 18 лет. Проходится польный гимназический курс.

● В Мюнхене (ФРГ), в Обществе содействия образованию русских детей при православном приходе Св. Серафима 9 января 1967 г. был устроен показательный вечер учеников школ общества и прихода Мюнхен-Людвигсфельд. В программе: декламация, народные песни и пляски.

● «Общество помощи русским детям за рубежом» ответило в ноябре 40-летие своего существования. Среди многочисленных приветствий и поздравлений необходимо отметить письмо первого председателя Общества И. П. Дворниченко: «Да поможет Вам Всевышний с честью выполнить Вашу задачу до того времени, когда рухнет железный занавес, и дети, Вами опекаемые, вступят на землю их отцов».

Пожертвования просят направлять по адресу: Russian Childrens Welfare Society, Inc., 59 E. 2nd street, New York 3 NY.

● В Париже в помещении на рю де Берри в воскресенье 1 декабря 1966 г. состоялся

большой предрождественский базар в пользу русского сиротского дома в Можероне под Парижем. Базар имел большой успех.

● В русском доме для престарелых в Ганьи во Франции 9 ноября 1966 г. было освящение домового церкви, специально построенной для пансионеров дома. Торжество освящения совершил Владыка Архиепископ Георгий.

● Толстовский Фонд содействует переселению группы старообрядцев из Южной Америки в Аляску. На новое место жительства уже переехали первые семьи из Бразилии.

● Русская благотворительная организация «Быстрая помощь» в Париже в конце 1966 г. провела годовое отчетное собрание, на котором обсуждались вопросы деятельности общества в 1966 г. и план работы на 1967 год.

● 7 января 1967 года французское радио «Франс-Кюльтор» передовало Божественную Литургию праздника Рождества Христова из русского собора на рю Дарю в Париже. Богослужение совершал архиепископ Георгий в сослужении многочисленного духовенства.

● Епископ Мефодий в этом году организует из Парижа 14-е православное русское паломничество в Святую Землю. Запись участников принимается по адресу: Mgr. Méthode, 7 bis, rue du Bois, 92 Asnières. France.

8 июля состоится отъезд на пароходе «Аусония» из Венеции в Бейрут. Паломники будут жить в русской монастырской школе в Вифании и оттуда посетят святые места. Возвращение в Венецию на том же пароходе 1 августа. Стоимость поездки, включая питание, помещение и поездки по Святой Земле и в Бари — 1275 французских франков, — около 265 американских долларов. Отъезд из Парижа 7 июля вечерним поездом. На пароходе паломники едут в четырехместных каютах. Паломникам рекомендуется прочесть книги «Святая Земля» и «Спутник паломника», которые можно приобрести у епископа Мефодия.

Выпуск настоящего номера задержался по техническим причинам в связи с переездом типографии в новое помещение.

Редактирует коллегия  
Редактор В. Сорокин  
Секретарь редакции А. Желнич

Перепечатка разрешается,  
но с указанием источника.

Почтовый адрес:  
SARUBESCHIE  
8 München 27  
Postfach 16

Банковский счет № 30 / 90 246  
Neuvians, Reuschel & Co.  
8 München 27, Ismaningerstr. 98

Verantwortlich für den Inhalt  
V. Sorokin

Druck: „ISKRA“, München 12, Parkstr. 3, Rgb.